Алтайское лето поэта Николая Рубцова

Поэзия и публицистика

Библиотека журнала «Барнаул»

Барнаул-2011

ББК 83.3 (2Рос-Рус) 6-8
З–12

Книга издана в честь 75-летия замечательного русского поэта Николая Михайловича Рубцова (03.01.1936–19.01.1971) при поддержке ЗАО АКБ «Зернобанк», президент — Н. Н. Николаев.

ЗЕРНОБАНК

Коллективный сборник.
З–12 Алтайское лето поэта Николая Рубцова: поэзия и публицистика. — г. Барнаул, Библиотека журнала «Барнаул», №2, 2011 г. — 104 стр.

В данном коллективном тематическом сборнике, продолжающем книжную серию «Библиотека журнала «Барнаул» (№2), представлены стихотворения и статьи, рассказывающие о пребывании замечательного русского поэта Николая Михайловича Рубцова в Алтайском крае летом 1966 года.

© Библиотека журнала «Барнаул», 2011
© ОАО «ИПП «Алтай», 2011

«ЗА ВСЮ ЛЮБОВЬ РАСПЛАТИМСЯ ЛЮБОВЬЮ»

Из многих уголков нашей великой России в биографию выдающегося русского поэта Николая Михайловича Рубцова, после родной для него Вологодчины, попал только Алтай: всё лето 1966 года он провёл в Алтайском крае — приехал в первых числах мая, а уехал в первых числах сентября, оставив в двух краевых газетах подборки своих стихотворений: «Алтайская правда» — 30 августа («В деревне», «Старая дорога», «Ось жизни»), «Молодёжь Алтая» — 2 сентября («В горной долине», «Цветы», «Доволен я буквально всем!..», «Улетели листья с тополей…»).

Вот написанные в Алтайском крае: «Шумит Катунь», «Весна на берегу Бии», «Старая дорога», «В горной долине», «Сибирь, как будто не Сибирь»…

В честь 30-летия пребывания поэта в Алтайском крае авторский альманах «Август» (ныне — литературный фонд) издал в 1996 году двухтомничек — «Стихотворения» (избранные произведения поэта) и «Поэт России — Николай Рубцов» (статьи о его жизни и творчестве). Каждое издание тиражом по три тысячи сто экземпляров и объёмом по восемьдесят страниц.

---

* На фото эскиз портрета Н. М. Рубцова, подаренный автором — Константином Блиновым (г. Калуга) — Валерию Тихонову в 2007 году в редакции журнала «Барнаул» (г. Барнаул, ул. Анатолия, 102, Дом писателя). Завершённый портрет хранится в московской библиотеке № 95 ЦБС «Юго-Запад» (ул. Дм. Ульянова, 3), где известная пропагандистка творчества Н. М. Рубцова Майя Андреевна Полётова создала музей поэта.

Время идёт быстро, вот уже позади и 2006-й — 40-летие пребывания Николая Рубцова в Алтайском крае, скоро — в 2016 году — 50-летие…

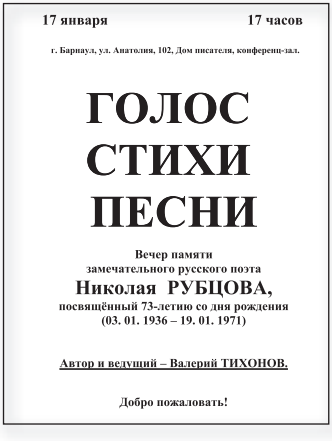
Николай Рубцов лишь побывал на Алтае, а вот Алтай навсегда остался в его биографии и творчестве. Большое спасибо его друзьям и приятелям за то, что они пригласили поэта на Алтай, за то, что встретили и поддержали его тогда, за то, что верили в его талант. Он никого не обманул тогда и после, создавая свой поэтический мир, суть которого выражена и в таких, во многом завещательных строках:

…За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью…
…Россия, Русь! Храни себя, храни!..

О жизни и творчестве Николая Михайловича написано во много раз больше, чем вышло из-под его пера. Собрать и издать статьи и стихи, посвящённые ему, вряд ли возможно. Но это собирается и при возможности публикуется, издаётся в разных регионах России. Невозможно подсчитать общий тираж его книг, вышедших (а ведь будут и впредь выходить!) в разных городах нашей страны и в других странах мира.

В этой книге ценителям поэзии представлен наиболее полный подбор материалов, рассказывающий об алтайском жизненном и творческом периоде в биографии поэта. Надеюсь, воспоминания, размышления, стихотворения и фотографии, собранные в ней, заинтересуют его нынешних и будущих читателей.

Валерий ТИХОНОВ.


17 января **17 часов**

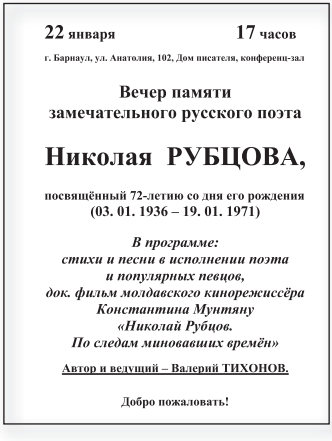
г. Барнаул, ул. Анатолия, 102, Дом писателя, конференц-зал.

ГОЛОС
СТИХИ
ПЕСНИ

Вечер памяти
замечательного русского поэта
Николая РУБЦОВА,
посвящённый 73-летию со дня рождения
(03. 01. 1936 – 19. 01. 1971)

Автор и ведущий – Валерий ТИХОНОВ.

Добро пожаловать!


22 января **17 часов**

г. Барнаул, ул. Анатолия, 102, Дом писателя, конференц-зал

Вечер памяти
замечательного русского поэта

Николая РУБЦОВА,

посвящённый 72-летию со дня его рождения
(03. 01. 1936 – 19. 01. 1971)

В программе:
стихи и песни в исполнении поэта
и популярных певцов,
док. фильм молдавского кинорежиссёра
Константина Муунтяну
«Николай Рубцов.
По следам миновавших времён»

Автор и ведущий – Валерий ТИХОНОВ.

Добро пожаловать!

ПИСЬМО С АЛТАЯ ДРУЗЬЯМ В ЛИТИНСТИТУТ

Июнь-июль 1966 года

Добрый день, Вася и Боря*.*

Вспомнил вдруг, что вы скоро уедете из Москвы (ведь уже экзамены?), и вот спешу послать вам весточку.

Вообще вас вспоминаю часто.

Доехал я тогда, как это говорится, благополучно.

Сначала я тогда побывал у тебя дома. У тебя, Вася. Встретили меня хорошо. Матрёна Марковна передаёт тебе привет. А ещё она спрашивала, пьёшь ли ты вино (я отвечал — нет), как живёшь и т. д.

На другой день видел Ольгу. Мы с ней немного поговорили, и потом я сразу же поехал к С. Вторушину. От Славки сразу же опять направились к Лёньке Мерзликину. У него я остался ночевать. Через два дня я был уже не в Барнауле, а в Бийске и — через несколько часов — в Красногорске.

Гена Володин, а также жена его Галя встретили меня вполне гостеприимно. И до сих пор живётся мне у них неплохо.

Правда, твоё представление о Швейцарии, мне кажется, не совсем верное — иначе ты не стал бы эту грязно-пыльно-снежную, похожую на пустырь местность (я давненько не видел такой неживописной местности) сравнивать с ней, со Швейцарией. Гена говорит, что зато очень красиво за ближайшей горой. Ну что ж, посмотрим. Частенько сейчас бываем на рыбалке с Геной и его товарищами. Цветы здешние мне понравились. Вино плохое. Поэтому, наверное, я его так редко здесь пью. Предпочитаю чай.

Вот так внешне я сейчас живу.

Боря, а как ты чувствуешь себя? Понял ли ты наконец, что ещё слишком и слишком рано и совершенно бессмысленно сочинять завещания? Куда интереснее и веселее сочинять (ну, писать) стихи. Летом земля (вообще жизнь) особенно красива. А сколько ещё впереди этих лет?

Вася и Боря, мне очень и очень интересно узнать, как складываются сейчас ваши жизненные обстоятельства, чем вы сей-

---

* Адресаты — поэты Василий Нечунаев (Барнаул) и Борис Шишаев (Рязань), тогда студенты Литературного института им. М. Горького (Москва).

час, как говорится, дышите. Поэтому буду рад и благодарен вам, если вы (перед отъездом из Москвы) пошлёте мне сюда письмецо.

Вася, все твои товарищи и знакомые, которых я здесь видел, передают тебе искренний привет. А значит, и Боре. Особый привет от Ольги.

Заканчивая письмо, я хотел бы и вас попросить передать мой привет некоторым ребятам из института: Эдику Крылову, Лёне С., С. Чухину, С. Петрову, В. Юдинову.*

…Ещё вот что: почему не послал мне Алиферовский контрольные работы? Узнайте, пожалуйста, там. Или все эти ребята уже уехали? Тогда плохо. Мне эти контрольные, кажется, очень нужны.

Ну, жду ответа. Пишите обо всём. Побольше — о себе. Крепко жму ваши мускулистые руки.

с. Красногорское Красногорского района
Алтайского края, ул. Мира, д. 15а, кв. 5.
Ваш Рубцов.

* Фамилия неразборчиво написана.

Борис УКАЧИН

ГОРИ, СИЯЙ, ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ!

Абитуриенты, выдержавшие творческий конкурс в Литературный институт имени А. М. Горького в августе 1962 года, кажется, почти все познакомились и всё знали друг о друге: кто откуда, на каком языке пишет, где печатался, с книгой ли собственной приехал или нет. Ещё до экзаменов, а мы друг друга «экзаменовали» чтением стихов, показывали первые свои книги, подборки стихов и рассказов, в редких случаях даже повестей и романов. И вот среди этого общего шума и гама не заметил я тогда лица моего будущего однокашника и друга Николая Рубцова.

Счастливчики, поступившие в желанный Литинститут, остались в Москве, чтобы продолжить учёбу, а большая часть с горечью в груди, со слезами на глазах ехала по домам. Нас, принятых на очное отделение, было около тридцати человек. Мы чувствовали себя отборными зёрнами, оставленными на посев будущего урожая. Круг наш стал тесным, теперь все мы жили в одном доме на улице Добролюбова. Но и тут на мои глаза не попадался Рубцов.

В общежитии Литинститута я поселился вместе с Сергеем Макаровым из Ленинграда. Среди первокурсников он

тогда считался одним из самых одарённых поэтов. Большую подборку его стихов напечатал журнал «Огонёк». Добродушный и улыбчивый здоровяк, Сережа Макаров однажды мне говорит:

— Пойдём, я тебя познакомлю с хорошим поэтом из Ленинграда.

Я тут же согласился и пошёл с ним в одну из комнат нашего шумного общежития. Сережа Макаров сказал, что хочет познакомить меня не с кем-то из однокурсников, а «с хорошим поэтом из Ленинграда». Ленинград для меня, юного провинциала, был каким-то сверхсказочным городом, ничем не уступающим Москве. А в литературе — это Николай Тихонов, Сергей Орлов, Михаил Дудин, чьи стихи в то время мне были наиболее понятны и известны. Да вообще в то время в нас жила жажда знакомства с любым человеком из литературных кругов, не говоря уж о «хороших поэтах».

Захожу в комнату. Сквозь папиросный дым различаю несколько знакомых лиц однокурсников: Женя Чернов, Эдик Крылов, Коля Попов (ныне выбрал он себе псевдоним Ливнев) и ещё кто-то. Среди них на стуле, как сейчас чётко вижу, сидит угрюмый лысеющий человек с полузакрытыми глазами.

— Коля, вот о ком мы говорили. Познакомься, поэт из Горного Алтая.

— Из Алтая?! А где этот Алтай? — он поднял свою лысеющую небольшую голову, без особого интереса посмотрел на меня карими глазами и, ни к кому определенно не обращаясь, спросил: — А он что-нибудь кумекает в русских стихах?..

— Почитай что-нибудь, Коля, или спой, — попросили хором ребята.

А он, только что высказавший в мой адрес каверзный вопрос, по-прежнему угрюмо, как мне тогда показалось, нехотя бросил: «Достоевский» — и начал читать прерывистым, чуть завывающим голосом:

Трущобный двор. Фигура на углу.
Мерещится, что это Достоевский.
И жёлтый свет в окне без занавески
Горит, но не рассеивает мглу…

Я слушал его и действительно не «кумекал», что это за стихи. Как можно так писать в нынешнее время?!. А может быть, ребята решили «шуткануть» надо мной?.. «Трущобный

двор» — где это в нашей поэзии ныне видано? Есть ли вообще-то где-нибудь этот самый «трущобный двор»?.. А угрюмый человек по имени Коля Рубцов тем временем продолжает:

Поэт, как волк, напьётся натощак.
И неподвижно, словно на портрете,
Всё тяжелей сидит на табурете,
И всё молчит, не двигаясь никак.

Может быть, это стихи девятнадцатого века?.. Тогда, признаться, мне даже и в голову не приходило, что сидящий предо мной человек старается показать окружавший Достоевского мир.

Рубцов читал, иногда взмахивая худыми руками и ни на кого прямо не глядя. А в моём сердце вырастал протест. Я начинал сердиться на Сережу Макарова, который обманул и разочаровал меня, сказав, что «познакомит с хорошим поэтом из Ленинграда». А о самом Рубцове думал, что он пришёл в общежитие случайно, с улицы. Недоверчивая мысль укрепилась особенно после того, как он выдохнул, завершая своего «Достоевского»:

И всё торчит.
В дверях торчит сосед,
Торчат слова,
Торчит бутылка водки,
Торчит в окне бессмысленный рассвет!
Опять стекло оконное в дожде,
Опять туманом тянет и ознобом…
Когда толпа потянется за гробом
Ведь кто-то скажет:
«Он сгорел… в труде».

Именно при чтении этих стихов впервые увидел я Николая Рубцова, и глубокую суть и боль его стихов о трагической судьбе Достоевского, признаться, тогда я не понял.

Стихи эти при жизни Рубцова, кажется, не печатались ни в периодике, ни в сборниках. В его посмертной большой книге «Подорожники», выпущенной в 1976 году издательством «Молодая гвардия», стихотворение это почему-то именуется «В гостях».

Потом пошли обычные дни учёбы. Ежедневная езда от улицы Добролюбова, или как тогда мы говорили от «Зелёного дома», до площади Пушкина. В первые дни мы с жадно-

стью слушали лекции преподавателей, с жадностью листали учебники. Особенно было интересно видеть известных профессоров, по чьим книгам учились студенты всех гуманитарных вузов страны. А мы, студенты Литературного института, в отличие от них каждый день встречались с самими создателями учебников и слушали их самих. Могли мы также общаться и с известнейшими поэтами и прозаиками — руководителями творческих семинаров. Мне думается, самое интересное в нашей жизни и учебе — именно эти творческие семинары, чтение и обсуждение произведений сокурсников. Тут уж мы никого не жалели. Жёстко, но честно критиковали стихи и прозу друг друга. К своим недостаткам относились так же беспощадно. В то же время мы перебегали из одного семинара в другой. Любопытно же, как там работают, говорят, спорят. Разве не интересно послушать самого Илью Сельвинского и его семинаристов?.. А что происходит в семинаре Николая Сидоренко, где занимается Николай Рубцов, Игорь Шкляревский?..

В ту пору среди первокурсников выделялись имена Павла Мелёхина, стихи которого охотно печатал журнал «Юность», Валерия Гейдеко, чьи статьи неоднократно появлялись на страницах московских журналов, и, конечно же, ребята сразу заметили и приняли стихи и песни Николая Рубцова. Но как он работает, когда он пишет, никто не знал. Он тихо появлялся в комнате, чтобы попросить пишущую машинку или папиросы, а иногда и деньги на обед, которые у него почти никогда не держались.

Действительно, когда и где он, Коля Рубцов, пишет свои стихи?.. Может быть, «пишет ногами», как утверждают некоторые современные поэты?.. А может быть, он большей частью свои стихи «вылёживал» на студенческой койке, думая о них ночами?..

Несколько позже нас в Литинститут поступил ныне знаменитый в Горном Алтае прозаик Кугей Телесов. Коля Рубцов, будучи старшекурсником, сдружился с ним, часто приносил ему свои стихи, чтобы тот перепечатал на машинке. Приносил он свои стихи на разных клочках и обрывках бумаги. Иной раз прямо диктовал «из головы»…

Надо отметить и то, что к своим стихам Николай Рубцов относился, можно сказать, небрежно, не собирал их кропот-

ливо и аккуратно, как это присуще многим из нас. Стихи Рубцова даже в порядочной папке, думается, никогда не хранились. Они на разных клочках бумаги валялись на столе комнаты, где он жил, переписывались от руки, перепечатывались и ходили по кругу. Возможно, многие поэтому так и затерялись.

Всем ясно, жить на скудную студенческую стипендию трудно, поэтому в нашем общежитии быстро стало популярным стихотворение Рубцова, где были такие строки:

Стукнул по карману — не звенит.
Стукнул по другому — не слыхать.
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать…

Правда, выпуская в издательстве «Советский писатель» в 1967 году свою первую московскую книгу «Звезда полей», автор счёл нужным заменить и уточнить некоторые слова из последних двух строчек. И, мне думается, поступил совершенно верно: у него был тонкий вкус к слову.

У Рубцова была поистине песенная душа. В нём жила доброта и участливость, юмор и шутливость. Талантливый человек не будет возносить себя, стараясь скрывать от людей свои какие-то недостатки и грехи. Рубцов никогда не выделял себя, не считал личностью исключительной. Ему для общения нужен был прежде всего человек.

В этом очерке то и дело пишу — Николай, хотя мы никогда к нему так не обращались. Его всегда звали просто Колей. По отношению к нему Николай звучит как-то холодно и отчуждённо.

О его одарённости и внутренней скромности можно судить по тому, как он сам относился к себе. Он умел подтрунивать над собой. Эта черта проявляется во многих строчках его стихов. Вот как кончается его знаменитое «Стукнул по карману»:

Стукнул по карману — не звенит.
Стукнул по другому — не слыхать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать…

В другом своём стихотворении-песне он говорит о себе:

Ну так что же? Пускай
Рассыпаются листья!

Пусть на город нагрянет
Затаившийся снег!
На тревожной земле
В этом городе мглистом
Я по-прежнему добрый,
Неплохой человек.

Он без громких слов, с присущим ему юморком, застенчиво и нежно относился к товарищу. Именно эти качества в его сложном, неординарном характере, мне кажется, и проявились, когда 7 июня 1967 года он подписывал мне дружеский автограф на книге «Звезда полей». В автографе Коли я чётко чувствую прежде всего доброту его ко мне и вместе с тем какую-то добродушную подначку: «Боре, Борису Укачину — алтайскому классику с любовью. Н. Рубцов».

Да, он был «неплохим человеком» и отличным поэтом. Но, к великому сожалению, всенародная слава пришла к нему, по сути, уже после смерти. Он никогда не поверил бы, если бы ему сказали, что о нём будут говорить и спорить серьёзные профессора-литературоведы, что герои фильмов будут думать и размышлять о его поэзии, известные всей стране артисты со сцены и с телеэкрана будут читать его стихи.

На первом и втором курсах Литинститута мы ездили в подмосковные колхозы и совхозы на сельхозработы. Однажды поехали под Загорск, и там я, Коля Рубцов, Игорь Шкляревский очутились под одной крышей у деревенской старушки. Хорошо помню, как они меня учили собирать и выбирать грибы, какие съедобные и как они называются, а какие из них «поганые», несъедобные. Дело в том, что алтайцы, издревле общаясь с природой, познав целебность и съедобность тех или других корней и трав родной земли, почему-то долгое время не употребляли грибы, хотя их в наших горах и лесах поныне, как говорится, непочатый край. Более того, «мочой жеребца» оскорбительно прозвали их.

В тот день мы в подмосковном берёзовом бору насобирали довольно много грибов. Потом Игорь и Коля их умело почистили, помыли. У хозяйки-старушки, где мы квартировали, попросили жиру и зажарили на сковородке… Ай, какая была вкусная еда!

Позже, уже в общежитии, он нам читал новое стихотворение:

Сапоги мои — скрип да скрип
Под берёзою.
Сапоги мои — скрип да скрип
Под осиною.
И под каждой берёзой — гриб,
Подберёзовик,
И под каждой осиной — гриб,
Подосиновик!..

Рубцов никогда не был и не оставался коридорным поэтом общежития Литературного института. От стихотворения к стихотворению возвышался и креп его недюжинный талант. Вскоре о нём как об очень одарённом человеке знали не только преподаватели и студенты, но и литературные круги Москвы. Подборки его стихов начали появляться в журналах «Юность», «Октябрь», на страницах других печатных органов столицы. Критики и читатели сразу же услышали голос нового поэта. Такие стихи, как «Тихая моя родина», «Русский огонёк», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», сразу же обратили на себя доброе и благодарное внимание читателей самых различных кругов. В то же время автор этих дивных по своей чистоте и напряжённости стихов жил среди нас обычной жизнью весьма бедного студента. В своём очень честном, а в литературоведческом смысле глубоко теоретическом и доказательном, воспоминании Станислав Куняев, один из близко знавших его поэтов, прямо и открыто пишет, как трудно жилось Николаю Рубцову, как он мытарствовал, скитаясь по краям и весям страны. Но даже в самые трудные и горькие минуты он всегда мог взять в руки гитару или гармошку и спеть такие вот светлые и добрые стихи:

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды…

Когда мы поступили в Литинститут, с нами вместе, но только на старших курсах, учились земляки Николая Рубцова из Вологды, ныне широко известные писатели Василий Белов и Ольга Фокина. Это я говорю, вспоминая песни Рубцова, которые часто звучали в дружеском кругу в стенах нашего общежития. Вспоминаю и знаменитую гармош-

ку, на которой так прекрасно, по-русски широко играл и сам хозяин её Василий Белов, и Николай Рубцов.

Гармошку-то купил В. Белов, но играли на ней все, кто умел. Чаще всего она оказывалась в руках Коли Рубцова. Под конец, когда уже заканчивали институт, эту гармошку Василий Белов подарил своему азербайджанскому другуоднокашнику поэту Фикрету Годже. Конечно, наш общий друг-азербайджанец с удовольствием увёз её домой в Баку. Та весёлая «хромка», первоначальным хозяином которой был Василий Белов и на которой играл Коля Рубцов, возможно, и ныне жива. Стоит где-нибудь и напоминает поэту Фикрету Годже «о печали пройденных дорог». Под плачущие звуки этой гармошки все мы тогда любили петь рубцовские строчки:

Память отбивается от рук.
Молодость уходит из-под ног,
Солнышко описывает круг —
Жизненный отсчитывает срок.

Солнышко, как и встарь, «описывает круг». Страстно любивший странствовать, часто менять место жительства, «описывая» по земле свои трудные и неожиданные круги, Коля Рубцов рано ушёл из жизни. Рано и неожиданно!.. Но дух его, «не знающего покоя», с нами. С нами его думы, тоска его и печаль:

Пускай меня за тысячу земель
Уносит жизнь! Пускай меня проносит
По всей земле надежда и метель,
Какую кто-то больше не выносит!
Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный свято погребён
В такой же белой горестной рубашке…

Мне кажется, сейчас, спустя двенадцать лет после его трагической смерти, уж больно много стало «близко знавших» и друживших с ним при жизни. Видимо, это всегда бывает так, когда дело касается творческого наследия широко известного и талантливого человека.

Говоря о том, что про Николая Рубцова ныне охотно и много пишут, мне хочется процитировать одно место из статьи Евгения Евтушенко «Хлеб сам себя несёт», в своё время опуб-

ликованной в «Литературной газете», затем вошедшей в его книгу «Талант есть чудо неслучайное». Позволю себе усомниться в одной детали. Евтушенко, описывая внешний облик Николая Рубцова, замечает, что он постоянно ходил «…обмотанный шарфом, за что его и прозвали Шарфиком». Деталь эта не ахти какая, но мы, жившие с ним в одном общежитии и учившиеся на одном курсе, ни разу Шарфиком его не «прозывали», хотя он действительно любил носить длинный шарф. Если было бы у Рубцова такое прозвище, по крайней мере мы, его сокурсники, знали бы непременно…

Некоторые товарищи, глубоко не проникнув до настоящей сути и сердцевины стихов Н. Рубцова, скороспешно норовили обвинить поэта, что он подражает С. Есенину, А. Фету, Ф. Тютчеву и даже А. Блоку. Да, он любил этих поэтов, восхищался ими, постоянно читал, изучал их. Лично я не раз видел, как Коля носил под мышкой томик Ф. Тютчева или того же А. Блока. Иногда он горячился и доказывал, что нынешние школьники плохо знают поэзию Фета и Тютчева, Блока и Хлебникова.

Однажды мы сидели с Колей в его комнате в общежитии Литинститута. Он безмерно, как мне тогда показалось, восхищался стихами Тютчева и Фета, чьи книги как раз лежали перед ним, и он старался убедить меня, какие гении были и жили на земле российской, хотя я не протестовал, а, напротив, соглашался с ним. Но Коля, мотнув лысеющей головой, решительно продолжал «преподавать» мне «уроки настоящей русской поэзии»:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые! —

читал он наизусть Федора Ивановича Тютчева и сам себе удовлетворённо говорил:

— Вот это боль! Вот как надо думать и писать о России!

Далее начал читать, пожалуй, самое знаменитое из стихотворений Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

— Пойми умом, — горячился Рубцов, — какие жаркие и горькие стихи он, например, писал о женщинах и любви,

о том «…как убийственно мы любим». Нет, лучше послушай и сам убедись:

Она сидела на полу
И груду писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

И, дочитав до конца, вдруг замолк и задумался. Через какое-то время вскинул голову, посмотрел на меня сквозь ресницы туманно-карими глазами и заговорил о Фете:

— Это тоже один из самых жгучих нервов Руси. Иногда он выдавал такие светлые, звонкие и широкие картины Родины, какие неподвластны кисти самых талантливых пейзажистов! Вот как просто и пространно он умеет рисовать словом:

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,
Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

Вдруг грустно заключил:

— Те, кто глух к русскому слову и зову Родины, лишь бы сказать что-нибудь, или показать свой ум, или кольнуть побольней, меня слепо обвиняют: он подражает, мол, Есенину, Тютчеву и так далее. — Он нервно дёрнул плечами и, зло хмыкнув, сказал: — Моим недоброжелателям решил ответить.

И прочитал стих, в котором говорится, что на него вешают ярлыки, что он якобы перепевает Есенина и Тютчева, даже Маяковского, а куда ему деться и к кому обратиться, жаждущему сказать своё нежное и понятное слово о Родине?

Что касается творчества Тютчева и Фета, то Рубцов считал себя их сменой, своеобразным последователем и, может быть, единственным их достойным наследником. Это своё чувство он позже выразит стихами:

Я переписывать не стану
Из книги Тютчева и Фета,
Я даже слушать перестану
Того же Тютчева и Фета,

И я придумывать не стану
Себя особого, Рубцова,
За это верить перестану
В того же самого Рубцова.
Но я у Тютчева и Фета
Проверю искреннее слово,
Чтоб книгу Тютчева и Фета
Продолжить книгою Рубцова.

Мило сердцу и душе Рубцова было всё естественное, как последний и тихий гром в августовском небе, как шелест летнего дождя под кровлей шалаша сельских косарей или скрип чистого снега под ногами. Поэтому-то в его стихах — точные и простые слова, близкие к разговорной речи народа. И писал он о простых и добрых людях. Народность — вот основа всей поэзии Николая Рубцова. Он хранил в себе красоту и мудрость сельских жителей, остроту и образность, фольклорную красочность их языка.

Многие его стихи на первый взгляд кажутся весьма традиционными, какими-то патриархальными. Но это всего лишь кажется. На самом деле в тишине его стихов заложена взрывчатая сила нашего времени, нашего жестокого, ответственного за человеческую жизнь века. Ведь Рубцов сам писал, что в нём живёт «адский дух»!

С годами всё глубже и ясней становится его поэзия. Вчитываясь в неё, продираясь и проникая во мглу и свет поэтического слова моего друга, ощупью души я начинаю понимать, что был он как бы нервом российской жизни. Был термометром, измеряющим температуру своего времени и окружения. Он интересовался не только тем, что совершается на данном отрезке времени и пространства вокруг него. Сегодня во многих стихотворениях Рубцова мы найдём труднейшие проблемы наших дней, даже очерковую достоверность и конкретность. К таковым, например, относятся «Русский огонёк», «На автотрассе», «Грани» и другие. Его ведь, как человека современного, сильно терзали «грани меж городом и селом». Он держал связь и с прошлым своей Родины. Потому-то постоянно слышал смутный звон далёких времён: «То скорбный он, то гневный и державный!» Рубцов помнил и гордился, что «бежал отсюда (из Москвы. — Б. У.) сам Наполеон, покрылся снегом путь его бесславный…».

Поэт тревожился и о будущем земли, и о своей навеки любимой Руси. На вопрос деревенской старушки «Будет ли война?» лирический герой хотя и отвечает, что «наверное, не будет», но в другом произведении он же почти истерически кричит и, задыхаясь, завещает: «Россия, Русь! Храни себя, храни!..»

Будучи сыном «морских факторий», став после флотской службы, как говорится, сугубо гражданским человеком, он долго не засиживался на одном месте. Он любил с юных лет дорогу и путешествие. Вероятно, новые шири и дали не давали ему покоя, звали его к себе, как писал его земляк Александр Яшин, бродить «босиком по земле». Сыновней любовью до боли любя Россию и русского человека, поэт многое познал именно в своём «бродяжничестве» и в стихах своих говорил об этом, не скрывая ничего. Он видел воочию доброту и щедрость русского человека и готов был всегда «за всю любовь расплатиться любовью». Не миновала его в странствиях по земле и человеческая жестокость, тупость и жадность. Об этом открыто и по-рубцовски зримо сказано в стихотворении «Неизвестный»:

Он шёл против снега во мраке,
Бездомный, голодный, больной,
Он после стучался в бараки
В какой-то деревне лесной.
Его не пустили. Тупая
Какая-то бабка в упор
Сказала, к нему подступая:
— *Бродяга. Наверное, вор…*

Кто скажет после таких стихов, что поэзия Н. Рубцова «тихая»?.. Нет, во многих его стихах заложены острые конфликты. Конфликты времени и общества. Рубцов прямо в лоб не называет в своих произведениях, «что такое хорошо и что такое плохо». Своей цели он достигает тонким мастерством художника, большой подтекстовой нагрузкой своих лучших стихов.

Поскольку я пишу воспоминание, а не теоретическое исследование о поэзии Николая Рубцова, то, чтобы конкретнее подчеркнуть его неизменную любовь ко всему народному, и горестному, и светлому, хочу остановиться на одной немаловажной детали, на том, как он всей своей го-

рячей душой воспринимал пословицы и поговорки, старинные русские песни и романсы. В минуты веселья и тоски брал он в руки гитару или гармошку и начивал петь народные песни. Он пел одну и ту же песню по-разному, иногда тихим и спокойным голосом, а чаще всего надрываясь, чуть ли не плача. Но особенно любы ему были старинные романсы «Вечерний звон» и «Гори, гори, моя звезда». И вот сейчас, когда я вспомнил это, моментально откуда-то дошла до моих ушей мелодия и живой, пронзительный голос Коли, и где-то что-то шевельнулось, горькой болью застонала душа:

Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная,
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.

Рубцов никогда не был теоретиком поэзии. Он был её практиком и душою поэта ощущал, что совершается вокруг него, кто на что способен.

— География поэзии — это всё-таки человеческая душа, невидимая струна живого сердца, — как-то однажды убеждённо говорил он мне. — И пусть поэзия эта говорит только о деревне или о городе, если она настоящая, то всё равно охватит наш шар земной, все человечество. Ведь нет же такого человека, который жил бы без сердца и души?..

Хочу отметить ещё один немаловажный факт из биографии Рубцова. Его не оставляли равнодушным творения ребят из национальных республик и областей. Он интересовался стихами своих сокурсников, принимал активное участие в их обсуждении, охотно читал подстрочники.

В работах о творчестве Рубцова, выходящих ныне, почему-то не отмечается то, что он не только интересовался поэзией, создающейся на языках народов нашей страны, но и пробовал переводить её сам. Так, он перевёл ряд стихотворений осетинского поэта, студента нашего института, Хазбия Дзаболова, жизненный путь которого, к сожалению, оборвался очень рано. При жизни он издал, кажется, всего три сборника стихов. Помню, что стихи его в переводах Рубцова однажды печатались в еженедельнике «Литературная Россия», затем автор включил их в книгу «Очаг», вышедшую в 1963 году в осетинском издательстве «Ир».

В 1966 году в издательстве «Молодая гвардия» вышел мой первый московский сборник стихов на русском языке «Ветка горного кедра». Чтобы поделиться радостью, я подарил Коле свою книгу. Эта моя первая ласточка, судя по отзывам критиков и читателей тех времен, была в основном принята положительно. Книга, вероятно, пришлась по душе и Рубцову, поскольку на другой же день, встретив меня, он цитировал некоторые строчки из моих стихов:

Раз проснулся я: луна
У дверей — такая робкая!
Показалась мне она
Нашей белою коровкою…

— Эти строчки мне близки, — сказал Коля, — а у тебя таких немало в сборнике. И вот эти тоже своеобразные и свежие:

На тебя загляделся Алтай,
Ты на диво светла и юна.
Ты — как горный цветок танталай,
Ты — как птица тайги агуна…

А хочешь, попробую перевести твои стихи?.. Подбери для меня несколько подстрочников?..

Честное слово, я промолчал. В то время я начал увлекаться свободными стихами, писал сюжетные, почти прозаические рассказы в стихах. Сильно увлекался поэзией Владимира Маяковского, Назыма Хикмета, Уолта Уитмена. К тому же мне казалось, что и стихи наши, и позиции очень далеки друг от друга. Может быть, мне надо было тогда воспользоваться неожиданным предложением Рубцова и дать ему на пробу те из стихов, в основе которых лежали традиционные народные мотивы и фольклорная мудрость? Да, наверное, так и надо было сделать.

В разгаре лета 1966 года, по-алтайски — месяца Большой Жары, то есть в июле, живя у матери в деревне Каярлык, что в Онгудайском аймаке нашей автономной области, неожиданно получаю телеграмму, подписанную Колей Рубцовым, в которой говорится, что он приехал в Горно-Алтайск и ждёт срочно моего возвращения из села. Конечно, я незамедлительно выехал в город.

Приезд Николая Рубцова в мои родные места по сей день остаётся малоизвестной страничкой в его литературной биографии. Лишь в эссе известного критика Валерия Дементь-

ева «Предвечернее», напечатанном в его книге «Мир поэта», изданной в 1980 году «Советской Россией», в двух местах упоминается (стр. 436 и 446), что Рубцов был в селе Красногорском Алтайского края.

А между тем его приезд в Горный Алтай не остался бесследным. Под впечатлениями от этой поездки спустя некоторое время он напишет ряд стихотворений: «Весна на берегу Бии», «В сибирской деревне», «В горной долине», «Шумит Катунь», возможно, и другие.

В упомянутом очерке о Рубцове Валерий Дементьев, в частности оценивая стихотворение «Шумит Катунь», пишет следующее: «Во время поездки на Алтай, в село Красногорское, Н. Рубцова не покидают мысли о славном прошлом русского народа, об особой миссии России, которая встала, по словам Блока, «меж двух враждебных рас — монголов и Европы» и спасла Европу от порабощения ценой невиданных жертв, страданий. Обращаясь к стихотворению «Шумит Катунь», я особо хочу отметить, что именно в этом стихотворении романтический и элегический строй размышлений Н. Рубцова оказался выраженным сильнее всего».

Я согласен с критиком насчёт «особой миссии России», спасшей Европу от татаро-монгольского ига. Более того, добавлю, что именно Россия спасла многие народы, ныне одной дружной семьёй живущие в нашей стране, и от чингисхановских потомков, и от других не менее жестоких варваров, например китайских завоевателей-феодалов. Но у меня свой взгляд на рубцовское стихотворение «Шумит Катунь» и на оценку его критиком Валерием Дементьевым. Для того, чтобы читателям было понятно, я вынужден опять обратиться к названному очерку и процитировать: «Перед мысленным взором поэта (Н. Рубцова. — Б. У.) проносятся исторические видения, оживают легенды о скифах и сарматах, возникают отзвуки картины татаро-монгольского нашествия.

И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И чёрный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень…»

Ничего не имею против того, что в чисто художественном смысле стихотворение «Шумит Катунь» одно из сильных и ярких творений в творчестве поэта. Но я, как житель

древнего Алтая, не могу согласиться ни с идейной позицией поэта, ни с современной оценкой этой позиции известным критиком.

По человеческому духу и воспитанию, по образному мышлению поэт Николай Рубцов далёк от истории и культуры Древнего Востока, в частности исторического прошлого Горного Алтая. Скажем прямо, он не знал и не старался вникнуть в события, связанные с передвижением народов Востока, а в данном конкретном случае — Горного Алтая.

Во-первых, «воинственные скифы» жили и кочевали не только по северному Причерноморью, но и по территории столь обширного и благодатного Алтая. Так что не стоит возмущаться, мол, «они топтали эти берега!» Куда им деваться, коль «эти берега» когда-то были и их родиной?.. Далее: какое отношение имеет «сумрачная тень» Чингисхана к Горному Алтаю? Кроме страданий и крови, Чингисхан ничего не принёс народам, населявшим эту землю! Разве отсюда, с Горного Алтая, с берегов Катуни, летел пожар и чёрный дым чингисхановского нашествия на мир? В исторических документах точно и достоверно зафиксировано, что впервые на Алтай монголы вторглись в 1199 году. В то немыслимо далёкое время им удалось покорить лишь часть алтайских племён. Окончательно завоевали Алтай они в 1207 году. Так что тогда на берегах Катуни не могли быть «стоянки светлых русских деревень».

Своё мнение о стихотворении «Шумит Катунь», когда оно появилось в сборнике «Звезда полей», вышедшем в 1967 году в «Советском писателе», я высказал Коле Рубцову, и он приподнял на меня свои крутой лоб и как-то удивлённо произнёс:

— Да? Ты так думаешь?.. Я не историк, знаешь сам. Когда пришли ко мне строчки этих стихов, я не думал об истории, лишь прислушивался к шуму и плачу Катуни, — и, улыбнувшись застенчиво, небрежно, по-рубцовски махнул рукой и добавил: — А теперь поздно, стихи, как видишь, напечатаны…

Приезд Рубцова в наши родные места мы, горноалтайские литераторы, встретили шумно и радостно. Он большей частью жил у меня, иногда ночевал у Валерия Чичинова, с которым познакомился в Москве. Позже Валерий Иванович Чичинов напишет воспоминание о Рубцове, о встрече с ним в Гор-

ном Алтае и включит в свою книгу «Адрес поэзии — Горный Алтай», вышедшую в 1976 году в нашем областном издательстве.

Мы чаще всего собирались на берегу небольшой речушки Майма, что течёт через Горно-Алтайск, и там слушали в авторском исполнении стихи, песни гостя, читали ему и свои. Рубцов приехал к нам со стихами, неизвестными нам до этого. Хорошо помню, всем особенно понравилась его «Старая дорога», которая начиналась так:

Всё облака над ней,
всё облака…
В пыли веков мгновенны и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы,
И машет им прощальная рука.
Навстречу им июльские деньки
Идут в нетленной синенькой рубашке,
По сторонам — качаются ромашки,
И зной звенит во все свои звонки,
И в тень зовут росистые леса…
Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые
вечности глаза!

По горам и долинам моей земли действительно шли «июльские деньки» «в нетленной синенькой рубашке», в точности, как в стихотворении нашего друга и гостя. И всем нам тогда показалось, что это стихи о нашем подоблачном Алтае, через который прошли и проходят древние дороги многих народов.

На первый взгляд может показаться, что стихи Рубцова состоят из самых простых слов. Но, слушая самого автора,

я каждый раз ловил себя на том, что многие слова мне неизвестны доселе, и я их, говоря попросту, не понимаю. А читать любую хорошую книгу и тем более слушать стихи в исполнении самого автора — это всегда взаимоучёба. Например, до известного теперь стихотворения Рубцова «В горнице» я не знал, что такое горница. В алтайских жилищах таких горниц — особых комнат — не бывает. И тогда, впервые прослушав рубцовскую «Старую дорогу», я тут же, не стесняясь, попросил его пояснить значение таких слов, как «пилигримы», «овин», «чертоги».

— Вот я, — сказал он, — современный пилигрим, путешественник. Старые дороги меня, странника, как видишь, привели к тебе, в твой таинственный и мифический Алтай.

Через какое-то время Коля с Валерием Чичиновым решили съездить в Элекмонар и Чемал. Эти сёла стоят на берегу красавицы Катуни, это вообще один из самых красивых ландшафтов в Горном Алтае. Туда надо ехать все время по правому берегу Катуни. Кроме того, в этих местах и в этой долине в двадцатые и тридцатые годы жил и творил великий алтайский художник-пейзажист Чорос Гуркин, ученик Ивана Ивановича Шишкина. Когда мы рассказали об этом Рубцову, ему захотелось не только в нашем краеведческом музее увидеть работы Чороса Гуркина, но и посетить те места, где он жил. Вернувшись из этой поездки, опять же на берегу речушки Майма, Коля прочитал нам стихотворение «В горной долине»:

Я видел суровые страны,
Я видел крушенье и смерть,
Слагал я стихи и романы, —
Не знал я, где эти тюльпаны,
Давно бы решил посмотреть!

Действительно, мало берёз встречается в прикатунской долине, куда ездил Коля. Там высокие горы и крутые скалы. А по берегам Катуни неприступными стенами растут высокие и могучие тёмно-голубые сосны. Видимо, Коле тут не хватало света и нежности русской берёзы, а потому он пожелал, «чтоб было побольше берёз» в наших суровых горах, хотя и они белеют в гуще других деревьев — сосен, кедра и богатырских лиственниц.

Николай Рубцов в Горном Алтае находился около месяца. После его пребывания у нас я с ним ещё не один раз встречался в Москве, мы были по-прежнему друзьями, собратьями по перу. При каждой встрече Коля уверял меня, что непременно снова посетит Горный Алтай. Но этому не суждено было повториться — в январе 1971 года тридцатипятилетний поэт Николай Рубцов погиб…

Рубцов прожил очень короткую жизнь, но его яркие и самобытные творения не забываются, они живут вместе с народом. Поэта нет среди нас, но с годами его популярность становится всё шире и шире. Продолжают выходить его новые книги. Возможно, в будущем найдутся и какие-то ещё неизвестные читателю произведения поэта. Поиски ведутся, и здесь надо сказать спасибо прежде всего Вологодской писательской организации СП РСФСР, всем тамошним товарищам и друзьям поэта, а особенно Виктору Коротаеву, который после смерти земляка кропотливо собирает ещё нигде не опубликованные стихи Рубцова.

Странички воспоминаний о своём однокашнике по Литинституту, друге и замечательном русском, советском поэте Николае Михайловиче Рубцове мне бы хотелось завершить стихотворением о нём. И пусть это моё «Письмо Николаю Рубцову», написанное в том же горестном январе 1971 года и переведённое на русский язык Ильёй Фоняковым, станет своеобразным продолжением моих прозаических воспоминаний о товарище по поэзии и учёбе, «о времени и о себе» (стихотворение представлено здесь на стр. 98 — Ред.).

Публикуется по журналу «Сибирские огни», № 2, 1984 г.

Геннадий ВОЛОДИН

ЛЕТО С РУБЦОВЫМ

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

…Итак, я выступил в качестве горестного чёрного вестника. Случилось это в двадцатых числах января 1971 года. Почему именно я — не могу до сих пор понять. Там ведь было более сотни людей, которые тоже могли выйти покурить именно в эти минуты. Это какое-то нелепое стечение обстоятельств. Или предчувствие. Не знаю.

Начну по порядку.

Шло краевое совещание алтайских литераторов. Вернее, семинар, или, скорее всего, то и другое. Поэтическая секция, на которой я присутствовал, шумела, как река в половодье. С сегодняшних устоявшихся бюрократических позиций семинар кажется сумбурным и чуточку нелепым.

Не помню, кого из молодых обсуждали в тот момент, но мне стало скучно и я вышел в коридор покурить. Тут как раз принесли корреспонденцию для Союза писателей. Я подошёл к почтальонке, весело поговорил с ней о чём-то и, пока она раскладывала газеты адресатам, взял и пробежал взглядом по заголовкам статей в «Литературной России». Натолкнулся на сообщение о смерти Николая Михайловича Рубцова… Улыбка у меня на лице окаменела, схватив еженедельник, я ринулся в зал. Протолкавшись междурядьем к Леониду Мерзликину, выпалил:

— Коля Рубцов помер!..

Леонид посмотрел на мою улыбающуюся физиономию, видимо, не поверив сначала.

— Садись! — буркнул он. — Маячишь, как!..

Тогда я ткнул пальцем в сообщение. Мерзликин прочитал, лицо его вытянулось, и он поднялся, чтобы сообщить присутствующим скорбную весть. Но прежде напустился на меня:

— Чему улыбаешься? Ну чему?!

Он не говорил, а кричал, не обращая внимания на то, что идёт семинар. Осёкся выступающий с трибуны. Сидящие за столом руководители секции стали выяснять в чём дело.

— Вывести их!.. — крикнул кто-то. — Пусть проветрятся!..

Но этого не случилось. Узнав о сообщении, все встали и почтили память Николая Михайловича минутой молчания. Затем был объявлен перерыв. И во время его уже не было обычных шуток и смеха — все разговаривали вполголоса, словно присутствовали на похоронах.

Не знаю, проходили ли в те январские дни собрания или семинары в других областях страны. Знаю одно — Алтайская краевая писательская организация в полном составе и в присутствии литературного актива почтила память поэта через три или четыре дня после его смерти. Хотя это, видимо, случайность, как и то, что именно я принёс печальное известие…

Дома я не мог найти себе места. В моей памяти стояла строка из его стихотворения: «Я умру в крещенские морозы…» Что это? Предчувствие? Предвидение? Если не это, то что же? Не мог же он, повелевающий словом, писать просто так! Никак не мог. Да ведь и в другом стихотворении то же самое:

…Трещат крещенские морозы.
Идёт народ… Всё глубже снег…
Всё величавее берёзы…
Всё ближе к месту человек.

«Куда уж ближе…», — думал я. И вспоминал, вспоминал, вспоминал…

ПРИЕЗД

В 1966 году я работал ответственным секретарём газеты «Восход» Краногорского района. Она недавно стала выходить, поэтому приходилось порой трудновато. Прихватывали зачастую ночи, но в выходные и праздники были дома.

И вот 9 мая, когда у меня собрались приятели, дверь открылась и вошёл человек. Робко поздоровался и замер у порога. Видимо, его смутило застолье. Был он чуть не до пояса мокрым. Сразу видно — человек не местный. Житель Красногорского в эту пору в туфлях щеголять не станет.

— Рубцов, — представился вошедший, признав во мне хозяина. И заторопился: — Вам привет от Лёни Мерзликина и Славы Вторушина.

Я знал Рубцова по рассказам друзей. Многие стихи его знал на память. И представлял себе этакого бойкого, не лезущего за словом в карман парня. Передо мной же стоял просто начинающий лысеть тридцатилетний человек, уставший от жизненных мытарств и несправедливостей. Простецкий с виду, но не слишком разговорчивый, он стоял, помаргивая (у него был глазной тик), с небольшим дорожным чемоданчиком, и не знал, куда себя девать.

— Проходи! — обрадовался я. Представил его жене и гостям, которые тактично стали расходиться, понимая, что они в данную минуту лишние. Когда за последним захлопнулась дверь, Рубцов спросил:

— Я у тебя поживу?

— О чём разговор! Места хватит.

— Только долго.

— Пожалуйста, — сказал я, — мы тебе и персональную комнату соорудим.

Детскую комнату отвели Коле. Внесли туда раскладное кресло и небольшой круглый стол. Он стал обихаживать по-своему, как он тогда выразился, «рабоче-спальный» кабинет. Я не мешал ему и наблюдал со стороны за его действиями. Потом собрался уходить. И тут Коля сказал:

— Ты знаешь, Гена, у меня ещё никогда не было отдельной комнаты. Живу среди людей, как на вокзале или на дебаркадере.

Я это знал. Мне было известно, что Рубцов воспитывался в захудалом детском доме, расположенном в глухомани. В нём и детворы было больше, чем семечек в подсолнухе. О какой там комнате говорить!.. Потом учился в техникуме, работал на тралфлоте. Затем служил на эскадренном миноносце. В таких условиях и один-то никак

не побудешь — обязательно кто-то окажется рядом и помешает интимному творческому делу. Но Рубцов ухитрялся как-то писать.

Да и после службы — то же самое. Заводское общежитие, где дённо и нощно хлопают двери: люди приходят со смены, уходят на смену; спешат на танцы или в кино, возвращаются оттуда… А Литинститут? Снова — общежитие. К тому же в институте у него не заладилась учёба. Пошли толки-кривотолки и досужие разговоры о его поведении. И Рубцов вынужден был написать заявление в ректорат. Всего четыре строки в этом «документе», но столько в нём серьёзности, лукавства и иронии, на которые был способен только он:

Быть может, я для вас в гробу мерцаю,
Но должен заявить в конце концов:
Я — Николай Михайлович Рубцов,
Возможность трезвой жизни отрицаю.

Не подумайте, что он был выпивохой! Просто разговоры некоторых преподавателей вынудили его написать именно это и вот так обнажённо. Не хочу знать, попало ли «заявление» поэта на стол ректора Пименова и произвело ли какое-то впечатление на него. Знаю другое — через день студенты и преподаватели знали этот «документ» наизусть. А месяц спустя его уже твердили все стихотворцы страны.

…Коля ещё долго «благоустраивал» комнату. Закончив, благодарно взглянул на меня и нерешительно спросил:

— Там в комнате гитара твоя?

— Моя.

— Можно, я возьму её сюда. Струна мне часто помогает строку найти.

О том, что Рубцов аккомпанирует себе свои песни, я знал.

Принёс ему семиструнку и попросил что-нибудь исполнить.

— В другой раз. Давай лучше в баньку сходим, если она тут есть. Да с веничком!..

И мы отправились в совхозную баню, находившуюся почти рядом.

ЗАРЯДКА

Через день я нашёл для Рубцова обувь, подходящую в это время для данной местности. И стал он со мной ходить в редакцию, как на работу. Придёт, усядется в уголке и тихо просматривает свежие газеты и журналы. Потом неторопливо сходит в библиотеку или книжный магазин и возвращается домой. Я жил на центральной усадьбе Красногорского совхоза, и ему приходилось через всё село шагать от редакции до моего дома. А это километра два. Пробовал уговорить его оставаться дома, но он только рукой махнул и сказал:

— Я же для себя хожу. Разминаюсь. Спортсмену нужна разминка перед соревнованиями. И мне перед работой нужна, чтобы из формы не выйти.

Не совсем я понял тогда это его сравнение. И только несколько дней спустя обратил внимание на то, что он вроде бы ничего не пишет. Придём с работы, а он сидит в комнате и что-то мурлычет себе под нос да играет на гитаре.

— Может, мешает что? — озабоченно осведомился я у него.

— Откуда ты взял? Не выдумывай даже! Я сейчас пишу. И очень много пишу.

— А где написанное? — не удержался я. — Не видел, чтобы ты и ручку-то в руках держал.

Коля разулыбался. В этой улыбке была какая-то снисходительность, словно он разговаривал с ребёнком или с человеком, который ничего не смыслит в творчестве. Потом постучал перстом по своей лысеющей голове и проговорил:

— Здесь вот написанное. Сказать точнее, придуманное. Я ведь на ходу пишу. Привычка такая. Жизнь заставила. Иду и придумываю строки, твержу их про себя. Они у меня навечно в память врезаются.

А на дворе уже стояла жара, и вся грязь превратилась в пыль. Эта пыль висела, если не было ветра, над каждой улицей Красногорского. И на зубах она скрипела, словно мы находились не в горном селе, а в пустыне или в пылевой зоне Балхаша. Идём по улице, и Коля вслух сочиняет:

А мы бредём, как в полутьме,
Вокруг витает запах скотский…

Перебив Рубцова, я добавляю строки из его же стихотворения, читанного мне несколько дней назад:

…Ещё бы церковь на холме,
И было б всё по-вологодски.

Коля сначала обижается, а потом смеётся над моей находчивостью.

— Хорошо боднул меня! Хорошо!..

И с этого дня стихотворное пикирование стало нашей постоянной игрой. Надо было на две первых строки, сказанных кем-то из нас, отвечать либо своими, либо строчками друга, но так, чтобы они подходили по смыслу или были неожиданными. И каждый раз, идя на работу, мы делали такую умственную зарядку.

Вот такие строки почему-то помнятся мне из той нашей игры. Были в столовой и ели голубцы. Продавали тут же пиво, за которым толпилась очередь. Я тогда сказал:

Рубцов, наевшись голубцов,
Пошёл за пивом он…

А Коля, ни минуты не думая, выпаливает сразу:

…Завидев очередь глупцов,
Тотчас же вышел вон.

РУБЦОВ ОБИДЕЛСЯ

В комнату Рубцова я без надобности не входил. Боялся, что отвлеку его от работы. Коля тоже не маячил перед глазами. Но на завтрак, обед и ужин приглашал его всегда троекратным стуком в дверь. Однажды изменил своему правилу и вошёл без стука. Николая в комнате не оказалось. Как всегда, на столе были книги: «Толковый словарь» Даля и Библия, позаимствованные на время Рубцовым у меня. Он их прямо-таки изучал. А рядом лежали несколько одинаковых сборничков. Я взял один из них. На обложке значилось: «Н. Рубцов. Лирика. Северо-Западное книжное издательство. 1965». Раскрыл наугад и хотел прочесть. Но тут вошёл Коля и, увидев в моих руках злополучный сборник, чуть ли не вырвал его из рук.

— Не трожь это!.. — закричал он. — Нельзя это!..

Я ничего плохого не видел в том, что Рубцов брал мою книжку стихов «Я иду по тайге» и читал. Даже замечания делал по некоторым стихам. А тут, пожалуйста, его взорвало. Стал пятиться к двери, не понимая, в чём дело. Только когда был уже за порогом, он извиняющимся тоном проговорил:

— Понимаешь, я никому не даю эту книжку читать. Считаю её недостойной себя. Она вышла совсем не такой, какой я хотел.

Пожав плечами, закрыл дверь. Поняв, что погорячился, Коля догнал меня, тронул за руку:

— Не сердись, Гена. Выйдет вот «Звезда полей», ту я тебе с благодарностью подарю. Она в будущем году выходит в «Советском писателе». Договор у меня на руках. Там знаешь, как со мной обошлись? Великолепно!

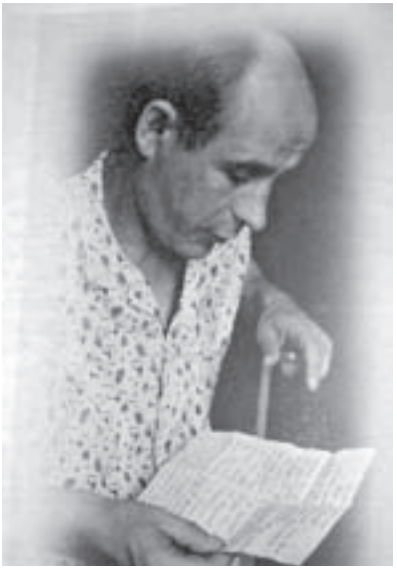
Он принялся рассказывать о том, как принял его и воспринял рукопись Владимир Семакин. Он рассказывал, и постепенно рассеивалась моя обида на него.

За ужином о стычке мы не проронили ни слова. А вскоре о ней совсем забыли.

Много позже я достал тот самый сборник. Прочитал от корки до корки, но до сих пор не могу понять, почему Рубцов стеснялся его.

ВЕЧЕР ПЕСНИ

В этот день Коля был весёлым: получил письма из Вологды и Москвы и журнал со своими стихами. Он всё порывался



идти куда-то из редакции, что-то делать, но я удерживал его, говоря:

— Подожди. Вот макет газеты дорисую и отправимся домой. Немного осталось.

Наконец я закончил работу и мы двинулись к дому. По пути забрали детей из садика. Шли не дорогой, где пылят машины, а хлябистыми деревянными мостками через болотину, отделявшую центральную усадьбу совхоза от райцентра. Где-то в закустовье играла гармонь и слыша-

лись весёлые голоса парней и девушек. Рубцов остановился на мостках, прислушался. И проговорил мечтательно:

— Эх! Мне бы сейчас хромку!..

— И красную рубашку с сотней белых пуговиц, — продолжил я с ехидцей.

Коля усмехнулся, глянул на меня, словно я причастен к какой-то тайне.

— Откуда о рубашке знаешь?

— Земля слухом полнится. Я даже стихи пробовал писать об этом.

А мне б сейчас людей смешить,
Гармошку нараспашку,
Да сотню пуговиц нашить
На красную рубашку…

— Ну и языки у людей, — перебил меня Рубцов, — болтают чепуху! Пустяки это. И ничего не было. Никакую я не шил рубашку за отсутствием денег. И с памятника Маяковскому не выступал.

Поужинали мы шумно. Весёлость снова вернулась к нему, и он, взяв видавшую виды гитару, запел под аккомпанемент. Песен этих мы никогда ещё не слышали. Голос его был негромким, но чувствовалось, что он понимает музыку, как и стихи. Вернее, они для него были неразделимы.

Прозвучала песня «В горнице моей светло», и сразу же в другой тональности понеслась «Рукой раздвинув тёмные кусты», её сменила «Осенняя песня», а затем он исполнил «Я уеду из этой деревни»…

На цыпочках, чтобы не нашуметь, пришёл мой тогдашний сосед главный врач райбольницы Слава Рудь. Потом ещё кто-то и ещё… А обычно стеснительный Коля пел и пел. Я называю песни первой строкой стихотворения потому, что Рубцов в тот памятный майский вечер так их называл сам.

Он не был бардом. И сейчас, когда я вижу по телевидению выступления бардов, то непременно думаю о том, что Николай Рубцов мог дать большинству из них сто очков вперед. И, держу пари, стал бы одним из популярных и любимых авторов-исполнителей.

ПРИОБЩЕНИЕ К АЛТАЮ

Каждый раз после пеших прогулок по Красногорскому Рубцов возмущался неживописной местностью, в которой лежит село.

— А почему, собственно, Красногорское? — вопрошал он. — Не лучше ли Пыльногорском или Грязногорском назвать? Было бы точнее!..

Я молчал и готовил ему встречу с местной природой. Выпросил на выходной машину. Приготовил снасти. Позаботился о наживке. И в последнее воскресенье мая покатили мы на рыбалку. Километрах в восьми от села у небольшой горной речки остановились. Вышли из машины, и у нас захватило дух — всё окрест пылало от цвета жарков. Даже зелени не видать, только одни оранжево-красные венчики. Чуть подувал ветерок, и жарки склоняли головы. И тогда казалось, что холодный, неправдоподобно прекрасный огонь берёт штурмом сопки и увалы.

— Это красиво! — согласился со мной Коля. — Это похоже на красногорье.

Я стал объяснять ему, что название село получило не из-за жарков, а потому что здесь добывали красную глину и охру. Он заупрямился.

— Глина? Ну какая в этом романтика? Полмесяца месили её сапогами! Надоела. А вот цветы — это да! Тут что-то есть. Посмотри, они кругом! — он развёл руками, и мне показалось, что не я приобщаю его к Алтаю, а он меня.

Рубцов рвал цветы, нюхал их и смеялся…

Так мы и не порыбачили, хотя провели на природе весь такой нескончаемо длинный предыюньский день.

На следующей неделе Коля поехал в Горно-Алтайск, предупредив, что может задержаться там денька два-три. Но через ночь вернулся какой-то задумчивый и серьёзный.

— Обидел кто-нибудь? — спросил я.

— Не-е-ет, — он перевёл разговор на другое. — У Катуни был. Это, конечно, река!.. А мощь какая!.. Удивляюсь, как паром возле Суртайки не срывает!.. Ведь такое может быть?

— Запросто, — сказал я и стал рассказывать ему о Белом боме и других писаных скалах, сплетая в одно были и небылицы. А Коля слушал внимательно и серьёзно. Именно тогда он пробормотал строки из будущего стихотворения «Шумит Катунь»:

…Катунь, Катунь — свирепая река!
Поёт она таинственные мифы…

Само произведение будет написано позже. А тогда, помнится, мы поспорили из-за «свирепой реки».

— Говоришь, что это мощная река? — горячился я. — А сильные, мощные не могут быть свирепыми.

— Вот и могут! — не сдавался Рубцов. — И ещё какими! Я ещё раз поеду на Катунь, поброжу по берегу, шум реки послушаю. Знаешь, в этом шуме свой ритм и своя интонация. Ни с чем не сравнимая интонация.

— Вот что, — предложил я, — на Катунь ты съездишь потом. В пятницу мы собираемся в Соусканиху — это на Бии. Порыбачим там, покупаемся, если жаркий день будет. Ты ещё и эту реку посмотришь. Тоже своеобычная и своеголосая.

Именно перед этой поездкой Коля написал письмо в Вологду поэту Александру Романову. Но не дописал. Так неоконченным запечатал и отправил. Мы торопили, потому что под окном стояла машина, готовая к рейсу, а в ней — ребята.

ОН ЛЮБИЛ СВОЮ ВОЛОГОДЧИНУ

В машине Коля вроде бы дремал. Мы шутили, вспоминая разные рыбацкие истории. Он в разговорах не принимал никакого участия. И не улыбался даже тогда, когда кто-то припомнил, как я поймал на закидушку катер, курсировавший от Бийска до Сосновки. Потом, словно очнувшись, спросил:

— Как называется деревня, в которую едем?

— Соусканиха.

— Ну и названия у вас: Соусканиха, Чулеш, Калташ, Елтош… То ли дело у нас на Вологодчине! Прислушайтесь, как звучит: Никонова Гора, Липин Бор, Белозёрск, Шуйское, Анненский Мост, — говорил он это любовно, и даже казалось, что как-то прилизывает эти такие русские названия сёл и деревень. Я вдали от Алтая смаковал бы точно так же наши местные названия. Бия тоже поразила Рубцова своим многоводьем, напором и неудержимостью. Правда, здесь после коренной воды берега были не совсем уютны — тут и там валялись брёвна, выворотни и клоки сена висели на прибрежных кустах, словно оставленные рекой для просушки. И Коля ходил, смотрел на это и говорил:

На фото Владимира Мусохранова, которое предоставил Валерий Иванов (с. Красногорское), рыбацкая компания у с. Соусканиха на берегу Бии (слева направо): первый — Николай Сараев (водитель Красногорской районной газеты «Восход»), пятый — Николай Рубцов, шестой — Геннадий Володин.

— Это по-нашему. У нас на Сухоне после полой воды всегда вот такая же картина. Только Сухона поспокойней этой торопыги.

А когда поймали трёхкилограммового тайменя, Рубцов сначала исполнил танец удачливого рыбака, а потом заметил:

— Нет, жерех лучше! И клюёт он иначе. Я бы сказал — интереснее.

По Рубцову выходило, что на Вологодчине всё лучше, чем у нас: и рыба, и река, и местность.

Помнится такой случай. Мы пошли на гору Елтош, господствующую над Красногорском. Оттуда можно увидеть и Бию, и Катунь, и город Бийск, и далёкие снежные белки. У нас была с собой вместительная корзина и задание моей жены Галины набрать клубники. Её там пропасть на склонах горы. Подошвы ботинок мокрыми становятся от раздавленных ягод. Через какой-нибудь час набрали корзину. Присели на камень отдохнуть. Коля поел ягод на склоне Елтоша, потом сказал:

— Жаль, морошки нет. Она слаще.

Я засмеялся, вспомнив жереха, который и клюёт иначе. Поняв мой лукавый смех, Рубцов встал на камне и прочитал мне, траве и берёзам:

За Вологду, землю родную,
Я снова стакан подниму!
И снова тебя поцелую,
И снова отправлюсь во тьму…

Смотрел на него и думал о том, что, где бы ни находился этот человек, он всё будет сравнивать со своей Вологодчиной и находить в непохожести какие-то изъяны. И пусть нет у него там своего угла, родных и близких людей — есть земля, которую он любит и к которой навеки привязан. Ведь это о ней он писал в одном из лучших и пронзительных стихотворений:

…Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую.

ТОЛЬКО ОДНО НАЗВАНИЕ

Узнав, что в районе есть село Никольское, Рубцов предложил однажды:

— Давай съездим туда. Родным пахнуло от одного названия. Ведь я вырос в Николе.

На этот раз машина была занята. Я взял в совхозе верховых лошадей и сёдла. Ехали шагом с увала на увал по тропе. Здесь было ближе и интересней. По пути я показал ему несколько кладбищ. И объяснил, что деревни убрали, а погосты остались. Коля пригорюнился и сказал:

— У нас тоже бегут люди из села. Только зачем? Неужели не понимают, что от корней своих отрываются?

И замолчал на всю дорогу. Я тоже не затевал разговора — размышлял о человеческой судьбе. И над судьбой Рубцова размышлял. Иной человек ни к чему не стремится, ничего не делает: у него всё есть. А вот у Коли родителей взяла война. Живёт впроголодь, одевается кое-как. Но ведь у него есть цель, к которой он неуклонно стремится. А главное — уверен в своих возможностях. Не самоуверен, а именно уверен. С горы открылось Никольское. Жалкое тогда село. Дома-развалюхи, скотные дворы, пекарня. Всё неухоженное, сирот-

ское. Мы спешились. Грустными глазами Рубцов смотрел вниз и долго молчал.

— Ну что? — спросил я. — Спустимся?

Он покачал головой, повернулся и, ведя коня в поводу, пошёл в противоположную сторону. Мне показалось, что у него дёргались губы. И я понимал его. Отлично понимал. Хотел увидеть Никольское своей мечты или что-то вроде того, а глазам предстало другое.

Вдруг Коля махнул рукой, словно от чего-то отмахнулся. Может быть, от навязчивых каких-то мыслей или раздумий и неожиданно рассмеялся.

— Ты чего? — удивился я.

— Прокатил ты меня! Теперь с неделю нараскорячку ходить буду.

Смекнув, что Рубцов натёр себе… холку, я тоже рассмеялся. Этот смех снял с нас напряжённость. На склоне увала паслись на клубничнике журавли. Вокруг висела горная голубынь. День был безветренный и немного душный.

— Послушай, — крикнул Рубцов обрадованно, — а ведь строки-то ничего!

— Какие?

— Вот эти:

Прекрасно небо голубое,
Прекрасен поезд голубой!
Какое место вам? Любое!
Любое место, край любой!

«Ну вот, он уже и о поезде заговорил, — подумал я, — и неспроста это. Видно, надоели ему и горы, и мы все вместе взятые».

С неделю Рубцов смаковал эти строки. Читал их и мне, и жене, и сотрудникам редакции. А потом опять стал задумчивым и строгим. Наверно, сочинял новое стихотворение.

Как-то, вспоминая о поездке в Никольское, он сказал, что, кроме названия, его с вологодской Николой ничего не роднит. Разве вот только убогость и неприбранность. Они везде одинаковы.

ОТЪЕЗД

В конце августа Коле стало тревожно. Надо было ехать в столицу и утрясать свои дела с Литературным институтом. И в один из дней он сказал:

— Гена, сегодня проводишь меня. Всё. Отгостевал. Пора и за учёбу.

Из редакции я позвонил в машинно-тракторную мастерскую Красногорского совхоза и, узнав, кто едет в Бийск, попросил подъехать к моему дому.

Коля уже был собран. Стоял у подъезда с чемоданчиком и растерянно улыбался. Машины ещё не было, и мы, ожидая её, не знали, о чём говорить. Вроде бы всё переговорено за три с лишним месяца. Как-то стесняясь, он поцеловал сына моего и дочь, не пожелавших идти в садик из-за отъезда дяди Коли. Накрапывал дождик. Машина подошла. Коля по-мужски подал руку и сел с шофёром в кабину.

— Когда в следующий раз появлюсь, поедем на Белуху, — сказал он, часто-часто помаргивая. И машина тронулась.

Этого следующего раза не было. Через четыре с немногим года его не стало...

Альманах «Алтай», № 2, 1988 г.

На фото В. Мусохранова, которое предоставил В. Иванов, во дворе редакции Красногорской районной газеты «Восход» (слева направо): Николай Рубцов, Николай Сараев, Геннадий Володин.

Валерий ЧИЧИНОВ

«В горнице моей светло»

Работая над темой «Музыка в поэзии Николая Рубцова», я узнал, что в своё время с ним был знаком научный руководитель нашего семинара — преподаватель кафедры литературы Барнаульского государственного педагогического института В. И. Чичинов*.

— Валерий Иванович, расскажите, пожалуйста, где и когда вы познакомились с Николаем Рубцовым?

— В 1965 году, будучи в Москве, я зашёл в гости к своему другу — поэту Борису Укачину, который в то время учился в Литературном институте имени М. Горького. Жил он в общежитии — в знаменитом «Зелёном доме» — этой литературной обители.

В комнату, где было многолюдно, Борис привёл незаметного, тихого человека. Это был Николай Рубцов. Ему сразу освободили почётное место. Он был хмурый, внешности далеко не поэтической. Не отговариваясь, он взял гитару и негромко запел:

В горнице моей светло,
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды…

* В. И. Чичинов (5.04.1936–31.08.1999) — литературовед и общественный деятель, член Союза журналистов и Союза писателей России, сопредседатель Международного Рериховского общества «Алтай — Гималаи», академик Международной тюркской академии. Последние годы жизни работал министром культуры Республики Алтай.

А потом он читал стихи. Мне запомнился его голос — густой, с какой-то непередаваемой рубцовской интонацией.

Вскоре была ещё одна встреча. Снова звучали песни, стихи. В тот вечер Николай подарил мне большой портрет Эрнеста Хемингуэя с надписью: «Сразу же понравившемуся Валерию Чичинову с пожеланием испытать все радости в жизни, какие испытал Хемингуэй». Я в то время был увлечён творчеством Хемингуэя и потому вдвойне был тронут подарком.

Уже прощаясь, я пригласил Николая в гости: «Отблагодарим тебя Горным Алтаем», на что он ответил: «И я в долгу не останусь».

— Известно, что он приезжал на Алтай…

— Летом 1966 года в прихожей прозвенел звонок. Открываю — Рубцов. «По Хемингуэю соскучился», — говорит. На самом — видавший виды пиджачок, выцветшие брюки, сбитые ботинки. Словно пилигрим…

Он неделю у меня гостил. Ходил по горам. Николай был в восторге от озера Ая. Он так долго не хотел уходить с берега, что мы опоздали на последний автобус. Пошли пешком. А ночь лунная! И мы с ним в два голоса читали лермонтовское: «Выхожу один я на дорогу…». Потом нас подобрала попутная машина, в которой ехал — он узнал нас и потому остановился — поэт Игорь Пантюхов.

Ещё мы ездили с Рубцовым в село Элекмонар, природа которого очень восхитила Николая. Несколько раз я спрашивал его: «Пишется?» Он отвечал: «Пишется».

— Рубцов предлагал свои стихи в местные газеты?

— В августе того года их напечатала газета «Молодёжь Алтая» (2 сентября 1966 года. — В. Т.). Предлагал Николай свои стихи и областной газете «Звезда Алтая». Но… Вечером, бледнея, он мне рассказал о своём визите в редакцию этой газеты: «Я им говорю: Здравствуйте! Я — Николай Рубцов. Вот стихи принёс». А они меня с ног до головы оглядывают…» У Николая в руке были листочки с аккуратно переписанными стихами. «Когда-нибудь они окажутся бессмертными, — с грустью, но уверенно сказал он и протянул один листок мне. — Дарю».

Вот этот листок, исписанный ученическим почерком. Сейчас это широко известное стихотворение:

Сапоги мои — скрип да скрип
Под берёзою.
Сапоги мои — скрип да скрип
Под осиною.
И под каждой берёзой — гриб,
Подберёзовик,
И под каждой осиной — гриб,
Подосиновик!..

Горький автограф!.. Прощаясь, мы с ним условились встретиться в Вологде…

Но слишком поздно я туда приехал… Пришёл к нему уже на могилу. На надгробной плите высечены слова из одного его стихотворения:

«Россия, Русь! Храни себя, храни!»

Считаю, что эти слова были основным мотивом его творчества. Это страстный призыв-завещание.

В Вологде есть улицы имени Батюшкова, Яшина… А теперь и имени Николая Рубцова есть… На этих вологодских улицах и нахлынули на меня воспоминания. Тогда я написал статью в областную газету «Вологодская правда». Эта статья — «Диалог с другом. Алтайская страница творчества Николая Рубцова» — впоследствии была включена в книгу «Воспоминания о Рубцове, которая вышла в Архангельском книжном издательстве в 1983 году.

— Валерий Иванович, какие стихи Рубцов написал на Алтае?

— Точно не берусь ответить… Стихи он «складывал» в голове — «записывал» так. Они у него всегда как бы внезапно рождались. Во время разговора, словно самому себе, он их проговаривал. Иногда несколько строчек сразу. Из тех, что он проговаривал, мне запомнились — я их потом нашёл в опубликованных и изданных стихах — «Девочка на кладбище играет, где кусты бормочут, как в бреду», «Зачем же мы ходили лесом? Зачем будили соловья?..», «Стихи из дома гонят нас…»…

Думаю, что «Видения на холме» написаны на Алтае. А стихотворения «Шумит Катунь» и «Весна берегу Бии» точно написаны в Алтайском крае.

Беседовал Валерий ТИХОНОВ.
Газета «Алтайская правда» (осень 1989 г.),
авторский альманах «Август» (№ 5, 1994 г.).

Борис ШИШАЕВ

АЛТАЙСКОЕ ЛЕТО НИКОЛАЯ РУБЦОВА

В мае 1966 года Николай Рубцов жил в общежитии Литературного института им. А. М. Горького. Тянуло его тогда к нам, первокурсникам, — видно, потому, что выглядели мы на общем фоне кипучего литературного «муравейника» свежими ещё, искренними неподдельно. Как раз в это время приехала ко мне сестра Валя, привезла с родины чемодан картошки, яиц. Ужаснувшись нашему непрочному быту, она бросилась по магазинам, накупила посуды, продуктов и быстро организовала надёжное питание по-домашнему. Счастливые наступили деньки.

Каждый раз, прежде чем сесть за роскошную по нашим тогдашним понятиям трапезу, разыскивали в «сотах» общежития Рубцова. Нравилось Николаю бывать в комнате, где мы жили с Василием Нечунаевым, поэтом из Барнаула. Комната была угловая, с двумя окнами, а потому — светлая, солнечная. С приездом Вали стало в ней ещё уютнее, да к тому же еда домашняя появилась. Как положено — и утром, и в обед, и вечером. Насытимся «до упора», что в другие времена редко удавалось, и сидим, бывало, говорим о том, о сём неторопливо, семейно как-то. Рубцов с сестрой моей беседует о сельской жизни, расспрашивает её о Рязанщине. Вале он очень понравился. «Чувствуешь себя с ним, — говорила она мне, — как с братом. Только не как с тобой, а как со старшим. Добрая у него душа, ласковая какая-то…»

Сидели вот так однажды, и вдруг Николай сказал: «Уехать бы куда-нибудь… Туда, где не был никогда. Надоело всё…» Слова эти выражали усталость. Все умолкли. Потом зашумели, стали предлагать — каждый свою родину.

— А езжай-ка ты, Коля, — сказал я, — в мой Сынтул. Это недалеко совсем. Дом там у нас большой, никого не стеснишь. Отдохнёшь по-настоящему. Природа отличная — лес рядом…

— А озеро какое! — подхватила Валя. — Купаться будете, рыбу ловить. Лодка на выбор — любой даст. Восемь часов на автобусе — и вы в Сынтуле. Я уж тут загостилась, пора домой, вот и поедем вместе.

— А кто у вас ещё там живёт? — спросил Николай.

— Мать, сынишка, муж мой… Да не бойтесь вы, ради бога, никого не стесните, — настаивала Валя.

— Нет, — сказал Рубцов. — Если мать, то я не поеду, она жалеть меня будет.

Сказано это было таким тоном, что настаивать мы больше не решились.

— Тогда езжай ко мне на Алтай, — предложил Василий Нечунаев. — В Барнауле у моей сестры Моти остановишься. Она добрая. Там комнатка после меня пустует. А ребята — писатели наши — на Телецкое озеро тебя отправят. Красота там неописуемая! Давай соглашайся, чего раздумывать-то!..

Николай задумался на минуту и вдруг согласился:

— Еду. Только вот с собой ничего нет, даже белья лишней смены. А командировку я где-нибудь возьму.

— Бельё и всё прочее — не проблема. Неси свои рубашки, всё своё неси — Валя выстирает, отутюжит. А смену белья найдём.

— Несите, несите, я в момент, — засуетилась Валя. Всё необходимое быстро отыскалось. Пока Валя стирала, Николай всё ходил по комнате и, озорно улыбаясь, читал экспромт:

Наше дело верное,
Наши карты — козыри,
Наша смерть, наверное,
На Телецком озере.

Так мы проводили его на Алтай. Оттуда он прислал нам с Василием Нечунаевым письмо. В № 12 журнала «Наш современник» за 1981 год оно опубликовано в числе других писем Николая Рубцова.

…Шестнадцать с лишним лет прошло со времени тех решительных беспечальных проводов и двенадцать — с того тяжелого январского дня, когда пришлось навсегда проститься с Николаем Рубцовым среди пустынного холодного поля, которому надлежало стать новым вологодским кладбищем. Но всё звучит и звучит в памяти добрый пророческий голос Рубцова, глядят и глядят в самое сердце его спокойные внимательные глаза. И всё кажется, что в долгу мы перед ним, хлебнувшим горя и одиночества во много раз больше каждого из нас и ушедшим так рано…

На одной из улиц в привокзальном районе Барнаула Василий Нечунаев попросил водителя остановить машину. Мы вышли.

— Вот… — как бы охватывая всё вокруг широким жестом, заговорил Василий. — Теперь здесь новые кварталы. А раньше — от села не отличишь: частные дома, огороды, баньки… Улица эта нынче — Молодёжная, а тогда была — Радищева. А вот тут, где сейчас детский сад, стоял под номером 161 деревянный домик моей сестры Матрёны Марковны. Сюда и приехал Коля Рубцов в то лето…

И вот мы уже в окраинном микрорайоне — в квартире Матрёны Марковны Ершовой. С теплотой и болью, как об утраченном родном человеке, вспоминает о Рубцове эта седая усталая женщина.

…Войдя в дом, он задержался у порога в нерешительности, потом поздоровался и заговорил негромко:

— Наверное, вы и есть Матрёна Марковна… А меня зовут Николай Рубцов. Я из Москвы, от брата вашего Васи. Он сказал, что вы разрешите мне остановиться у вас на некоторое время. И письмо вот просил передать…

Матрёна Марковна засуетилась, предлагая стул, стала расспрашивать о брате — как он там, и сразу же смущённо прервала себя: господи, ведь человеку надо умыться, поесть с дороги…

Поначалу она растерялась — из самой Москвы приехал, известный, наверное, какой-нибудь, а в доме и обстановка так себе, и еда совсем простецкая, и едят-то с ребятами из общей миски… Но потом присмотрелась — обыкновенный вроде человек. Пиджак поношенный, и туфли, похоже, давно носит, стоптались уже, пора бы и новые. Лысина надо

лбом — хлебнул, видать, в жизни, — а глаза добрые, разговор свойский и в то же время культурный. И стесняется.

Слово за слово — и незаметно улетучилась напряжённость. Расспрашивает этот Николай просто как-то, неназойливо, и отвечаешь ему, рассказываешь с удовольствием, словно душу облегчаешь. Вроде бы уж и знаешь его давным-давно. Спросила, не пьёт ли Василий в Москве вино — сказал, что не пьёт, а сам глаза отворачивает. Сразу видно — не умеет кривить душой-то. И ребята моментально к нему приладились — и Рая, и Вовка. Раньше, бывало, придёт кто-нибудь чужой, так они дичатся, стараются на глаза не показываться. А Николай заговорил, расспросил их о том, о сём, пошутил раз-другой, а уж болтают с ним вовсю, смеются, как со своим.

Сели за стол — Матрёна Марковна поставила перед Николаем отдельную тарелку, но он запротестовал: «Что вы! Что вы! Я с вами из общей буду. Ведь так вкуснее! С детства люблю из общей».

Определили его в той самой комнатке, где до поступления в Литинститут жил Василий. Стены её сплошь были испещрены нечунаевскими стихами и рисунками. Ни одного из этих четверостиший Матрена Марковна раньше прочитать не могла — слишком уж мудрёный был у брата почерк. А тут, перед самым сном, слышит — смеётся Николай в комнатушке. Заглянула — а он читает строки на стене. Расшифровал и ей несколько озорных надписей, посмеялись вместе, вспомнили опять о Василии.

И подумала она тогда, что Николай ничуть не похож на других друзей Василия — поэтов, которые нередко наведывались к брату в гости. Да и вообще на поэта не похож. Добрый, вежливый и внимательный — совсем простой человек.

Переночевав у Ершовых, Рубцов сказал Матрёне Марковне, что ему надо встретиться с барнаульскими писателями, а потом он, возможно, поедет в Горный Алтай. Ушёл, и несколько недель его не было. Появился неожиданно — загорелый и посвежевший, в хорошем настроении. Рассказал, что гостил у поэта Геннадия Володина в предгорном райцентре Красногорское.

Оживлённо и радостно сделалось в доме, когда Рубцов снова поселился в нечунаевской комнатушке. На огороде

к тому времени начали созревать огурцы и помидоры — хорошее подспорье для стола.

— Вот что, Матрёна Марковна, — сказал однажды Николай, — пойду-ка я нарву помидоров и сочиню салат по-ленинградски. Вы такого никогда не ели.

И сделал, да так получилось вкусно, что уничтожен был салат мгновенно, а Рая с Вовкой даже ещё захотели. Ели опять же из общей миски, и очень нравилась Николаю такая простота. Помогал он Матрёне Марковне и в других делах по дому, и всегда удивлялась она его сноровке, обнаруживающей большой жизненный опыт.

Вечерами вели неторопливые разговоры — вспоминали каждый о своей нелёгкой жизни. Матрёна Марковна рассказывала, как потеряла во время войны любимого человека, а потом неудачно вышла замуж, намучилась вволю и в конце концов осталась одна с двумя детьми. Открывала наболевшее, и легче становилось на сердце, потому что светилось в мудрых рубцовских глазах родственное понимание и сочувствие. И Николай, который обычно не любил откровенничать и почти никогда не рассказывал о себе друзьям, на этот раз охотно делился воспоминаниями о своей сиротской жизни с простой, испытавшей немало лишений женщиной. Посчитал её, видимо, человеком, достойным такого откровения.

Судя по эпизодам, особенно запомнившимся Матрёне Марковне из рассказов Рубцова, нелёгкие детские годы оставили в его памяти чёткий и суровый отпечаток. Мытарства начались сразу же после того, как лишился отца и матери. Хозяйничала война, и конца ей ещё не было видно — на это горькое время и пришлось раннее сиротство Рубцова. Холод и постоянное желание хоть немного поесть — вот что больше всего запомнилось Николаю из той поры. Питался лишь тем, что давали добрые люди. Покормят или сунут горбушку хлеба — хорошо, а нет, так приходилось голодать — нередко по двое суток, потому что сам он просить стеснялся.

Николай вспоминал, как эту стеснительность подметила одна пожилая женщина, частенько подкармливавшая его, бесприютного мальчонку. Она жила в одиночестве и часто ездила в город торговать — то огурцами, то картошкой, то грибами. Дом оставлять было не на кого, и, убедившись, что мальчишка не только не возьмёт чужого, но и спро-

сить-то совестится, женщина стала доверять ему присматривать за хозяйством. Перед тем как уехать на несколько дней, объясняла, где хранится еда. Но, оставшись «за хозяина», маленький Рубцов всё равно не мог пересилить стеснительность — старался не прикасаться к припасам, а если и брал, то лишь самую малость, и потому сидел полуголодный. Возвратившись и увидев, что всё осталось нетронутым, женщина спрашивала с удивлением, почему ничего не ел, а он смущался и краснел, не зная, что ответить.

Кстати сказать, эта совестливость была у Рубцова врождённой и сохранилась на всю жизнь. Кто знал его близко, тот наверняка помнит, что и входил он в комнату, и вёл себя, и даже ел как-то по-особому стеснительно, словно боялся обременить хозяина, оставить его в накладе.

Рассказывал Николай Матрёне Марковне и о периоде, когда довелось ему ухаживать за больным одиноким стариком. Старик этот не мог двигаться и лёжа объяснял, что и как нужно делать по дому. Коля исправно выполнял все его указания, готовил еду и лекарства и тем самым зарабатывал себе право на житьё и пропитание в стариковском доме.

Был в его сиротских скитаниях и такой эпизод. Играл как-то Коля на краю села с другими мальчишками и увидел, как незнакомый мужчина взнуздал пасущуюся неподалёку лошадь и увёл её. Когда начали искать эту лошадь и в селе поднялся переполох, Коля подошёл к владельцу коняги и рассказал о виденном. Снарядили погоню и Колю взяли с собой. В нескольких километрах от села конокрада нагнали, а Коля засвидетельствовал, что человек и есть «тот самый». Конокраду ничего не оставалось делать более, как показать в лесу место, где он привязал на время животину. Потом хозяин взял Колю с собой в райцентр на суд, который должен был наказать конокрада. В пути лошадь неожиданно понесла, и мальчишка, упав, сильно повредил себе ногу. Тогда хозяин приютил Колю у себя на целый месяц — лечил и хорошо кормил.

С особым вниманием вспоминал Рубцов о том, как попал в детдом. Был он к тому времени настолько изголодавшимся и отощавшим, что врач приказал целую неделю кормить его отдельно от других ребят — жидкой пищей и помаленьку, с тем чтобы постепенно приучить организм к нормальному питанию.

Хорошо запомнилась Николаю та огромная детская радость, какую испытал он, сняв с себя грязные дырявые обноски и облачившись в настоящую новую и крепкую одежду и обувь.

Вообще же о детдоме Рубцов рассказывал Матрёне Марковне с неизменной теплотой в голосе, словно о родном доме, а о воспитателях и учителях вспоминал как об истинно близких людях. Он говорил, что обязан детскому дому многим, если не всем, и неизвестно, куда привела бы его судьба, не окажись он там, под внимательным и добрым присмотром. Да, видимо, накрепко врезались в душу Рубцова все тяготы его бесприютного детства, если вспоминал он о них так подетально…

Живя у Ершовых, Николай очень привязался к детям Матрёны Марковны, а они — к нему. С младшим, Вовкой, они всё чаще уединялись в комнатушке и подолгу вели там сугубо свои — «мужские» — разговоры. У Вовки была страсть — делать из проволоки клетки для птиц, и Николай всячески помогал ему — когда советом, а когда и делом.

Однажды произошёл такой случай. Заявился неожиданно сосед, мужчина многословный и крикливый, и с порога — громко и грубо — начал обвинять Вовку в том, что тот украл у его сына птичью клетку. Матрёна Марковна растерялась перед таким напором, а Вовка, как всегда это бывает с детьми, когда их обижают незаслуженно, отвернулся и горько заплакал. Николай был в это время в комнатушке и всё слышал. В самый критический момент он вышел стремительно, взял со стола хлебную корку и резко протянул её соседу-горлопану:

— Нате-ка вот, возьмите!

— Что это, зачем?.. — удивлённо уставился тот на Рубцова.

— А затем, что вы, наверно, выпили, а закусить забыли. Иначе не врывались бы в чужой дом и не орали так нахально.

— Да я!.. Да ты мне!.. — задохнулся от возмущения сосед. — Да кто ты такой есть?!

Рубцов быстро вернулся в комнату, вынес оттуда командировочное удостоверение столичного журнала и сунул его под нос правдоискателю:

— Вот кто я такой. Устраивает вас?

Изучив удостоверение, громовержец опешил и намного понизил тон:

— Я, конечно, того… Но ведь некому больше! Безотцовщина же. Кто ещё-то возьмёт?

Тут рассвирепел уже Рубцов.

— Вон оно как! Значит, если у парня нет отца, то и грехи все на него? Ничего подобного! Такие почестней ваших бывают! Я, коли на то пошло, вообще вырос без отца и матери, а так по-свински, как вы, никогда себя не вёл! Идите-ка сюда! — потянул он мужчину за рукав. — Идите, идите, не бойтесь! — и показал несколько клеток, сработанных Вовкой. — Скажете, наверно, что он их все украл? Так вот знайте — Вовка сам их делает. И поймите — не нужна ему клетка вашего сына!

Сосед смекнул, что опростоволосился, и, пробурчав несколько невразумительных фраз, позорно убрался восвояси. Матрёна Марковна даже прослезилась благодарно — так подействовала на неё решительная рубцовская защита. А сосед, видимо, обдумав всё как следует, на другой день приходил извиняться.

С Раей, которой шёл тогда шестнадцатый год, Николай любил вечерами бродить по улицам, ничем не отличающимся от сельских. Стемнеет, бывало, станет попрохладнее — и Николай предлагает: «Пойдём, Рая, погуляем?» «Пойдём, дядь Коль!» — охотно соглашается Рая. И идут они медленно по улицам, разговаривая о всяком-разном. Листва в садах шелестит, собаки перелаиваются, плач детский из дома слышен — настоящее село. Ребята — Раины сверстники — сначала вроде бы не придавали значения этим прогулкам, а потом уязвило — ходит Рая с этим приезжим, а на них никакого внимания не обращает. Стали таскаться следом с угрожающим видом, и однажды Рая сказала Рубцову, что его собираются побить. Он долго смеялся и тем же вечером завёл с ребятами мирный и шутливый разговор. Сначала шло напряжённо, и Рая очень боялась, но постепенно ребята поняли, что человек этот вовсе им не соперник, нашли с ним общий язык и даже подружились.

Нередко по ночам в «келье» у Рубцова горел свет. Матрёна Марковна, постучавшись, заглядывала — не надо ли чего? Рубцов сидит и пишет. Не желая мешать, она спешила оставить его в покое, но Николай говорил: «Посидите, если не спится. Вы мне нисколько не мешаете». Матрёна Мар-

ковна соглашалась и молча сидела рядом. Потом Николай отрывался ненадолго, чтобы отдохнуть, и опять отводили душу в беседах.

…Много воды утекло с той поры, дети Матрёны Марковны давно стали взрослыми людьми, имеют свои семьи, но Рубцова, каждое его слово помнят хорошо, вспоминают о нём как об очень близком человеке.

Николая Рубцова и его творчество знали в среде алтайских писателей ещё до приезда поэта, хотя и печатался он в то время не слишком часто. Знали потому, что некоторые из барнаульцев встречались с ним раньше. Поэт Леонид Мерзликин, например, учился в Литературном институте в одно время с Николаем и дружил с ним, а поэты Николай Черкасов и Геннадий Панов видели Рубцова и слышали о нём, когда приезжали в Москву и останавливались в литинститутском общежитии. Наведываясь из столицы на родину, рассказывал о Рубцове собратьям по перу и Василий Нечунаев.

Поэтому принят был Николай в Барнауле как свой, со всей дружеской теплотой. Переночевав у Ершовых, он разыскал поэта Станислава Вторушина, адрес которого дал ему в Москве Василий Нечунаев, и вместе поехали на ближние Черёмушки к Леониду Мерзликину. Радостной была эта встреча. Сидели всю ночь — вспоминали литинститутское прошлое, читали друг другу стихи, делились творческими планами.

За разговором Николай признался, что очень устал, нервы шалят, и сказал, что хотел бы отдохнуть где-нибудь на природе, посмотреть Горный Алтай. Долго перебирали в памяти разные места — решали, где ему будет лучше — и наконец остановились на Красногорском — райцентре, расположенном в предгорьях. Туда вскоре и проводили Рубцова.

В Красногорском Николая встретил — и тоже очень радушно — поэт Геннадий Володин, у которого Рубцов и обосновался на довольно длительный срок. Тут, как уже говорилось выше, ему действительно удалось неплохо отдохнуть и многое увидеть. Вместе с Геннадием Володиным и его друзьями Рубцов часто ловил рыбу, купался и загорал, а потом путешествовал по Горному Алтаю. Побывал на реках Катуни и Бие, которые, сливаясь, образуют Обь, ездил в Горно-Алтайск.

Выпивать в этот период ему не хотелось — он писал. По свидетельству Геннадия Володина, стихотворение «Посвящение другу» было написано Рубцовым в Красногорском.

Однако понемногу гористая местность начала надоедать ему, равнинному человеку, и Николай засобирался обратно в Барнаул.

Когда вернулся в краевой центр, продолжились его встречи с писателями. Вскоре, «свалив» в Литинституте сессию, приехал Василий Нечунаев, и они везде стали бывать вместе. Импровизированные поэтические вечера с участием Рубцова «вспыхивали» то в квартире Леонида Мерзликина, то у поэта Владимира Сергеева, который жил в том же подъезде, что и Мерзликин, то приглашал к себе в гости Станислав Вторушин или собственный корреспондент «Известий» по Алтайскому краю Зоя Александрова. Дополняли этот круг поэты Николай Черкасов, Геннадий Панов, Владимир Казаков и Валерий Крючков. Желая познакомиться с Рубцовым и послушать его стихи, приходили журналисты и просто любители поэзии.

Где бы ни появлялся Рубцов, всюду бывал он окружён трогательным вниманием и настоящей дружеской заботой. Стихи его, чуждые формализму, трогали сердца своей волнующей простотой, удивляли глубинной прозрачностью мысли. Некоторых молодых поэтов, склонных к излишним поэтическим выкрутасам, рубцовская лира заставила призадуматься над собственным творчеством, заняться переоценкой мнимых ценностей.

Рубцов же, в свою очередь, был приятно удивлён тем, что в Барнауле знают и читают наизусть многие его стихи, а некоторые из них — те, что сам любил петь (например, «В горнице», «Элегию», «Стукнул по карману — не звенит…») — поют под гитару, и притом мелодии, придуманные им, ничуть не перевирают.

Барнаульские собратья по перу помогли Рубцову завязать отношения с местной печатью, и вскоре стихи его появились на страницах краевой газеты «Алтайская правда».

Василий Нечунаев вспоминает ту пору как самую тяжёлую в своей творческой жизни — мучительно искал тогда себя и своё в поэзии. Сидели как-то с Рубцовым в барнаульском ресторане за бутылкой лёгкого вина, и Василий, пове-

дав ему обо всех этих муках, сказал с горечью: «Если не выгорит ничего, то обязательно найду в себе мужество бросить писать вообще». Николай встрепенулся и сжал его руку: «Эх, Вася, как хорошо было бы, если бы все так рассуждали! Но только я думаю, что насчёт своего бессилия ты сильно преувеличиваешь. Мне почему-то кажется — ты будешь хорошим детским поэтом». Так оно впоследствии и вышло.

Частые литературные застолья начали, по-видимому, утомлять Рубцова, и его опять потянуло на природу. Василий Нечунаев предложил поехать в гости к своему отцу, в родное село Кислуха, и Николай с радостью согласился.

Добираться туда надо было по Оби на теплоходе, и до пристани решили пройтись пешком. Путь пролегал через район Старого базара. Рубцов шёл и восхищался — очень понравилась ему эта древняя часть Барнаула, откуда начинался весь город и где жил и работал в своё время изобретатель первого в мире парового двигателя И. И. Ползунов. Проявлялась, вероятно, постоянная тяга Николая к старине, к истории народа. Василий Нечунаев заметил, что Рубцов вообще не мог проходить равнодушно мимо того, что напоминало о далеком прошлом России или хотя бы о временах его детства и юности. Не любил он однообразия современных «коробок». Потому, видно, и прижился так легко в деревянном домике Матрёны Марковны Ершовой.

Когда шли по Оби на теплоходе, Николай внимательно присматривался к проплывающей мимо местности, стараясь найти хоть отдалённое сходство со своей Вологодчиной. Кислуха ему понравилась. Он любил старые сёла, а она была именно такой. Чутко прислушивался к говору нечунаевских земляков и однажды сказал, что сибирская речь всё-таки беднее вологодской. «У нас, — доказывал, — что ни фраза — то байка, бухтина, подковырнут, посмеются обязательно, а тут как-то сурово и сдержанно всё…»

Много бродили по окрестностям, ходили в лес за грибами. Природа здесь, по мнению Рубцова, тоже проигрывала по сравнению с вологодской. «Наша как-то мягче и пышней», — говорил Николай, и тёплые нотки звучали в его голосе.

Занимались и рыбной ловлей. Ловили ночью под крутым береговым яром. Снасть называлась намёткой и представляла собой длинный шест, на конце которого замысловато

крепилась обширная сетка. Это орудие лова вовсе не считалось в те времена браконьерским. Василий забрасывал намётку в воду и, осторожно переступая по песчаному берегу, вёл её некоторое время, а потом вытаскивал. Николай шёл рядом, выбирал из сетки добычу и удивлялся простому способу лова, который был ему раньше незнаком, радовался обилию рыбы. Без конца попадались лещи, щуки, чебаки и окуни. «Тут я молчу, — разводил он руками, — насчёт рыбы у нас на Вологодчине победнее».

Когда возвращались с рыбалки, Василий заметил, что Рубцов довольно сильно прихрамывает, и спросил:

— Что у тебя с ногой?

— Да так… — отмахнулся Николай. — Нарыв какой-то. Чепуха, пройдёт.

Придя домой, посмотрели, и Нечунаев ужаснулся: нарыв был большой и опасный, нога покраснела и распухла.

— Как же это ты ходил-то? И молчал всё время…

— Да невелика беда, — успокаивал Рубцов. — Заживёт до свадьбы.

Видимо, привычка не придавать всевозможным невзгодам большого значения так укоренилась в нём с раннего детства, что этот страшный нарыв казался ему сущим пустяком и не мешал радоваться жизни. Ногу лечили несколько дней, прикладывая подорожник.

Однажды сидели у ворот нечунаевского дома, и Рубцов, увидев тележное колесо, по самую ступицу застрявшее в прибрежной грязи протекающей напротив речки Кислушки, спросил, почему оно оказалось там. Василий объяснил, что старые колёса употребляются у них как подставки для плотиков, с которых берут воду и поло-

щут бельё. Спадает вода — и плотик легко можно переставить на другое место — поглубже.

«Здорово придумано», — одобрил Рубцов. Тут же, на берегу, лежала перевёрнутая кверху днищем лодка, поодаль возились малыши. «Настоящий российский пейзаж…», — со вздохом добавил Николай. Василий Нечунаев узнал потом эту картину, когда прочитал стихотворение Рубцова «В сибирской деревне».

…Случайный гость,
Я здесь ищу жилище
И вот пою
Про уголок Руси,
Где жёлтый куст,
И лодка кверху днищем,
И колесо,
Забытое в грязи…

Благотворным было для Николая Рубцова то далёкое лето. На Алтае ему хорошо писалось. Под впечатлением увиденного и пережитого там он создал стихотворения «Весна на берегу Бии», «В сибирской деревне», «Шумит Катунь», «Сибирь, как будто не Сибирь!..», а возможно, и другие произведения (скорее всего так оно и было), не затрагивающие прямо алтайскую тему.

Встречая Рубцова в Москве после его возвращения из Барнаула, я видел, что он хорошо отдохнул и душой и телом, ибо выглядел посвежевшим и уравновешенным, был добрым и полным новых надежд…

На Алтае свято хранят память о нём. Каждая новая публикация произведений Рубцова, каждое свежее слово об этом удивительном поэте, появляющееся в печати или звучащее по радио и телевидению, встречаются здесь с особой радостью и неизменно вызывают светлые воспоминания. По инициативе Василия Нечунаева в Алтайском книжном издательстве вышел небольшой сборничек стихов Рубцова для детей «Первый снег», а в 1978 году, подкрепляя это доброе начинание, издательство выпустило в свет его «Зелёные цветы».

Публикуется по изданию
«Воспоминания о Николае Рубцове».
(Вологда, КИФ «Вестник», 1994 г.).

Игорь ПАНТЮХОВ: «ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОН БЫЛ ПОЭТОМ»

Редактор отдела поэзии журнала «Алтай» Игорь ПАНТЮХОВ делится своими воспоминаниями о замечательном русском поэте Николае Рубцове, которому 3 января 1996 года исполнилось бы 60 лет.

— Игорь Михайлович, вы познакомились с Николаем Рубцовым во время учёбы в Литературном институте?

— Да. Я туда поступил сразу после флотской службы. А познакомились мы с ним в общежитии. Сидели как-то приятельской компанией «за рюмкой чая», и зашёл в нашу комнату невысокого роста лысоватый парень. Представился: «Николай». Рука у него маленькая, крепкая.

Я был тогда в морской форме. И это, конечно, напомнило Николаю его недавние годы службы в морфлоте: я — с Балтики, он — с Северного. Понятно, мы с ним быстро нашли общий язык. Кстати, в нашей компании были братья Эрнст и Валентин Сафоновы — они тоже служили на Северном и знали Николая ещё по флоту. Ещё были Валентин Распутин и Александр Вампилов. Вот так — Сибирь и море. Было о чём поговорить, было что почитать друг другу. Между прочим, в таких компаниях поэты делятся не теми стихами, которые уже опубликованы, а теми, что только-только написаны или ещё пишутся, дотачиваются.

— Какие стихи читал тогда Рубцов?

— Ой… Я терпеть не могу, когда некоторые мои коллеги, говоря о Рубцове, утверждают, что в компаниях он читал такие-то стихи, и цитируют-перечисляют по его кни-

гам. Многое из того, что он читал нам тогда, в книги вообще не вошло… из-за необычности содержания. Причём почти каждое стихотворение он напевал, наигрывая на гармошке или гитаре. И пел, и читал он по-своему — спокойно как-то, без подвывания, без выкрутасов. Суть стихотворения была слита с простой мелодичностью:

…Буду поливать цветы,
Думая о их судьбе.
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе…

— «Думая о их судьбе»? Но ведь в книгах Рубцова: «Думать о своей судьбе»…

— Я вспоминаю о встречах, а не книги цитирую. Рубцов напевал именно так: «Думая о их судьбе!» Видимо, потом у него появился известный всем вариант.

— Вы сказали, что Рубцов читал стихи, не вошедшие в книги «из-за необычности содержания»…

— Ну, а что… Были у него хулиганские песенки, которые, само собой, не могли войти в книги. Кое-какие я сейчас могу попробовать воспроизвести в рубцовской манере, но только, разумеется, в очень тесном дружеском кругу, потому что это фольклор — русский, флотский…

— Есть ли основания говорить, что вот, например, у Есенина есть цикл кабацких стихов, а у Рубцова флотский?

— Ну, у Есенина это «Москва кабацкая». А у Рубцова о море вообще-то мало стихов. Он о море больше в разговорах вспоминал. Служить ему было тяжело — молодой, после детдома. Я-то пришёл служить в 23 года, а значит, был покрепче ребят своего призыва, да и кругозор соответственно был у меня пошире. Так что служил я… осознаннее, что ли.

Николай после военного флота ещё в торговом ходил — кочегаром. На море он не только выстоял, а и окреп. Что же касается цикла, то вряд ли стоит его составлять за поэта.

— Вспомните, пожалуйста, что-нибудь из того, что он исполнял приятелям.

— Ну, вот, например:

Ах, что я делаю?
Зачем я мучаю
Больной и маленький
Свой организм?

Ах, по какому же
Такому случаю?
Ведь люди борются
За коммунизм!
Скот размножается,
Пшеница мелется…
И все на правильном
Таком пути.
Ах, замети меня,
Метель-метелица,
К такой-то матери,
Эх, замети!..

— Я знаю, что вы с Рубцовым встречались не только в Москве…

— Не только. А самая неожиданная встреча произошла на Алтае. Я тогда был здесь в командировке от журнала «Смена», чтобы сделать материал о фестивале советско-монгольской дружбы, что проходил в Манжероке. И вот едем мы туда с тогдашним редактором «Молодёжи Алтая» Юрием Майоровым. Увидели, что впереди нас по Чуйскому тракту идут два человека — один повыше, другой пониже ростом, оба босые. Когда мы с ними поравнялись, я увидел, что тот, который пониже, — Коля Рубцов! Я был потрясён! Мы же с ним совсем недавно в Москве встречались!.. Что его занесло вдруг к монгольской границе?!

Мы остановились, взяли ребят в машину. Помню, в те же минуты Коля прочитал мне первые строки стихотворения «Старая дорога» — оно рождалось именно на Чуйском тракте. Я запомнил только две строки: «…Здесь первый человек произошел,/И больше ничего не происходит»…

А с Николаем был тогда Валерий Чичинов, живший в Горно-Алтайске. Мы с ним тогда и познакомились. Он филолог, занимался литературной критикой. После той встречи, дорожной, Коля был в Барнауле у меня дома.

В то лето 1966 года он основательно познакомился и с горным, и со степным Алтаем. В конце августа его стихи были опубликованы в «Алтайской правде», а в начале сентября — в «Молодёжи Алтая». На гонорары за эти публикации он и уехал в Москву.

Предпоследняя встреча была в Архангельске, когда там проходил выездной семинар Союза писателей России.

Я туда приехал из Калининграда, Николай — из Вологды, где он жил тогда.

Торжественное закрытие семинара намечалось в областном театре, куда приехала из Москвы небезызвестная тогда Нина Павловна Н., заведующая отделом культуры ЦК КПСС. Вечер состоялся. Но Рубцова на нём не было. Когда мы вернулись в гостиницу, нам рассказали о том, что Нина Павловна, покидая гостиницу, увидела в холле Рубцова и спросила: «Коля, а вы почему не идёте на закрытие?» На что он ответил: «А пошли вы!..» Мы после вечера с трудом уговорили Николая извиниться. Ведь из-за этого у него могли быть серьёзные осложнения с публикациями. Утром следующего дня Коля дождался её у «Чайки», которая подъехала к гостинице. Подошёл: «Нина Павловна, вы уж извините меня. Я вам тут вчера нахамил». Она посмотрела на него, покачала головой: «Эх, Коля, Коля, не любила бы я ваши стихи!» Села в «Чайку» и укатила. Никаких неприятностей у Николая не было после этого. Эта женщина, видимо, понимала настоящую поэзию, ибо другой чиновник так этого не оставил бы. Тогда же в Архангельске Николай подарил мне свой сборник «Сосен шум». Подарил поспешно, без автографа: «Да потом, — говорит. — Что мы, последний раз видимся?»

Через неделю мы с ним встретились в Москве — в дворике Литинститута. Он был без шапки, в своем демисезонном пальто, шарфик. В январе-то! И спрашивает меня: «Старик, а ты не знаешь, почему в Вологде на центральной площади так много ворон?» Я рассмеялся: «Да я в Вологде-то не бывал». Ну, посмеялись, поговорили и разошлись. Это было буквально за две недели до его кончины…

— Каким он был человеком?

— Очень честным и прямым в суждениях, оценках. Прекрасно понимал юмор. И так озорно хохотал! Не смеялся,

не хихикал, а хохотал, когда случались весёлые минуты. Голос у него был громкий, баритонального тембра.

Каким он был человеком? Прежде всего он был поэтом. Очень любил народную поэзию.

— Как к Рубцову относились другие литераторы?

— Очень хорошо, я сам это замечал, к Рубцову относился Виктор Петрович Астафьев. Он очень тепло, по-отечески оберегал Колю. И даже от графоманов защищал, поскольку среди них было много таких, которые при помощи стакана старались привлечь к себе внимание поэта. Так же по-отечески к нему относился и Александр Яшин.

— При жизни вышло немного книг Рубцова.

— Всего три сборника стихотворений. А после смерти тираж его книг перевалил за миллион. Отрадно, что его чтят и помнят сейчас. Но когда исполнилось бы 50 лет, то не нашли ни одного метра кинопленки, где был бы снят он. Ни одного метра! Только на Центральном радио случайно сохранилась одна небольшая запись его выступления со стихами…

Да, впрочем, на Руси всегда так было: больших поэтов унижали, не замечали… Им только после смерти воздают должное. Вывод тут однозначный: власть имущие не знают, что завтра ожидать от талантливого человека. А талант тем и ценен, что он говорит правду и только правду. А правда не нравится, потому что она бывает и чёрная, и горькая.

— 3 января Николаю Рубцову исполнилось бы 60 лет. В Вологде собираются отметить это событие на должном уровне. Вы туда не поедете?

— Поехал бы, если бы была возможность — финансовая… Мы постараемся и в Барнауле провести вечер памяти Рубцова.

Беседовал Валерий ТИХОНОВ.
«Алтайская правда» (26 декабря 1995 г.),
авторский альманах «Август» (№ 2, 1996 г.).

Василий НЕЧУНАЕВ

ДОБРО И ЛЮБОВЬ

Нынешний год юбилейный для замечательного русского поэта Николая Михайловича РУБЦОВА — 3 января ему исполнилось бы 60 лет. А 30 лет назад — в начале мая 1966 года — он приехал на Алтай. Провёл здесь все лето — до начала сентября. Об этом периоде рубцовской биографии вспоминает поэт Василий НЕЧУНАЕВ.

— Василий Маркович, расскажите, пожалуйста, как вы познакомились с Николаем Рубцовым?

— Мы познакомились с ним, когда я был студентом 1-го курса Литературного института, а Николай был уже на старших курсах заочного отделения. В общежитии Литинститута он бывал наездами, когда надо было приехать из Вологды (где он жил), чтобы сдавать очередную сессию или решать разные дела в редакциях, издательствах… Я жил в то время в одной комнате с Борисом Шишаевым. Николай к нам частенько захаживал, мы подолгу беседовали о жизни, о поэзии. 65-й год и начало 66-го были сложными для Рубцова. Мы с Борисом стали вникать в его судьбу. Каким-то трагедийным он нам казался: читает стихи, а на глазах слёзы!.. Был очень большой надрыв.

Чем помочь человеку? Как его выручить?.. Воспоминания Бориса Шишаева обо всем этом были опубликованы в газете «Литературная Россия» (26.01.1990 г.), потом в каком-то журнале, а сейчас включены в рубцовский двухтомник. Мне недавно его прислали — там все стихотворения, письма, фотографии Рубцова и воспоминания о нём. И очерк шишаевский там есть.

Вот, стали мы думать с Борисом: что можно сделать? Нужно было как-то встряхнуть Николая — сменить обстановку жи-

тейскую, дать возможность отдохнуть. Ему предлагали, помню, съездить в Рязань. Но он отказался. Я тогда подумал: на Алтай бы его отправить. Остановиться на первых порах ему будет где — у моей сестры Матрёны Марковны в частном доме есть свободная комнатка, в которой я жил до отъезда в Литинститут. Там же — в Барнауле — есть Лёня Мерзликин, Коля Черкасов, Слава Вторушин, есть ещё ребята, так что, думаю, и встретят Николая, и приветят. Потом его можно отправить к Гене Володину в Красногорское — предгорье Алтая. Там поживёт. А затем двинется дальше — по Горному Алтаю, где его тоже знают и любят: Валера Чичинов, Боря Укачин и другие.

Всё это я и предложил Коле. И после того, как он согласился, я написал письмо своей сестре, чтоб гостя ждала. Рубцов предложение принял и взял командировку, кажется, от журнала «Знамя». Стали мы его снаряжать в дорогу, и он между делом частушечку сочинил:

Наше дело — верное,
Наши карты — козыри,
Наша смерть, наверное, —
На Телецком озере.

Я ему много о Телецком озере говорил, рассказывая о красотах Алтая. Потому в письме его есть такая строчка: Вася, мол, ты говорил мне о Швейцарии, а где она? Он меня неправильно понял, ведь Красногорское, откуда он писал письмо, — это всего лишь перевалочная база перед «нашей Швейцарией» (ну, понятно, что я имею в виду Горный Алтай). Потом-то он увидел эту Швейцарию алтайскую, когда побывал на Бии, Катуни, на озере Ая. Только до Телецкого озера не доехал. Стихи он здесь написал — «Весна на берегу Бии», «Шумит Катунь» и другие.

— Игорь Пантюхов в этот ряд стихотворений включает «Старую дорогу», которое написано на Чуйском тракте. Рубцова хорошо встретил и Алтай, и на Алтае. Как он чувствовал себя после этой поездки?

— После Горного Алтая он опять жил в Барнауле. Общался с нашими поэтами, художниками. Я к этому времени приехал на каникулы. Съездили мы с ним в мою деревушку Кислуху Первомайского района. Недолго там были — выходные дни. А потом у нас в Барнауле дела были. Жил Николай по-прежнему у моей сестры. Дом её стоял там, где сей-

час детский сад — это примерно угол улицы Молодёжной и улицы Радищева…

— Вот бы мемориальную доску установить на этом месте: в такое-то время здесь жил замечательный русский поэт Николай Михайлович Рубцов! Есть же в Барнауле улицы литературные: имени Пушкина, Гоголя, Толстого, Никитина, Шукшина… Есть все основания, чтобы появилась улица имени Рубцова.

— Да, Рубцов этого достоин, Барнаул это заслужил. Давай считать, что мы с тобой предложили нашей городской Думе этот вопрос обсудить. А вся наша общественность, я уверен, это дело верно оценит и всячески поддержит.

— Василий Маркович, как же Рубцов чувствовал себя после пребывания на Алтае (четырёхмесячного!)?

— О! Он был свежим, бодрым, сильным! Мы все были очень рады, что поддержали его.

— Как Рубцов относился к своим публикациям в центральных «толстых» журналах, к выходу своих книг?

— Как и всякий пишущий человек — с радостью. Козыряния или там бахвальства у него не было. Кстати, у меня нет ни одной его книги с автографом. «Звезда полей» когда вышла — мгновенно разошлась.

Мгновенно! Я у него просил: «Коля, подари книгу». А он смеётся: «Ну где я её возьму? Найдёшь — купи, а я подпишу». Так я и не смог нигде купить. И остался без автографа. Его книги расходились сразу.

— А фотографий Рубцова у вас нет?

— Была одна. Украли её. И письмо, которое мы с Борисом получили, будучи ещё в Москве, тоже украли. Я бы его сохранил, но ведь оно было адресовано не мне одному, а мне и Борису Шишаеву. Вот оно и лежало в нашей комнате общежитской на столе… Знали: ЧТО и ЧЬЁ крадут!

— Слава Богу, что не потерялось. Оно опубликовано в разное время в разных газетах, журналах, книгах. Нынешним читателям Рубцова, думаю, важно знать, за какие качества Рубцов уважал, ценил людей?

— За доброту, мужество, простоту, смекалку, честность. Вот за что. Он презирал фальшь! Всяческую фальшь! Он простой был. Да всё это из стихов его можно узнать, почувствовать, увидеть.

— Василий Маркович, мне сейчас вспомнились его строки, которые, думаю, определяют его жизненную основу:

За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью…

Здесь Рубцов даже не упоминает какие-то негативные стороны в характерах людей, а вот именно — добро, любовь…

— Так это им и двигало — добро, любовь.

— Скажите, пожалуйста, что вам сейчас чаще вспоминается о Рубцове, как он сам вспоминается? Прошло 25 лет со дня его гибели.

— Он для меня живой. Постоянно живой. Мне не верится, что он умер. Я его вижу, представляю — живым.

— А как Рубцов чувствовал себя в Москве?

— В общем-то, неуютно. Он Вологду любил. В Москве он бывал наездами. В общежитии Литинститута всегда ему находилась комнатёнка или место. Сдаст сессию, решит свои дела, ну, конечно, пообщается с ребятами и уезжает на свою Вологодчину. Стихи он там писал.

— Приезжая, он, наверно, показывал новые стихи. Как чаще он это делал — читал или напевал под гармонь, гитару?

— По-разному. Всё зависело от строя стихотворения, от его настроения, от обстоятельств. Манера чтения у Рубцова была очень своеобразная. Он после каждой фразы останавливался, словно давал слушателям возможность продумать, прочувствовать её.

— Кого из поэтов ценил Рубцов?

— Тютчева и Пушкина. Есенина очень любил. Он вообще русскую классику любил.

— Его при жизни называли современным Есениным…

— Да-да. С Есениным у него много общего. Но если называть самых любимых поэтов Рубцова, то это Тютчев и Есенин.

— Как вы думаете, почему читателей Рубцова всё прибывает и прибывает?

— Потому что он жил Россией, народными заботами — поэтому народ его любил и будет любить.

— Что вы пожелаете читателям Николая Рубцова?

— Добра и любви. Это главное. А чего ещё?

— Ну вот я как поклонник его поэзии желаю себе приобрести в свою библиотеку двухтомник Рубцова. Есть у меня довольно объёмная его книга «Видения на холме» (почти 400 страниц), а двухтомника, такого, какой вам прислали из Вологды, у меня нет. Вот я себе этого желаю.

— Желаю читателям иметь в своих библиотеках книги Николая Рубцова. Я верю, что настанет то время, когда Рубцова откроют для себя не только ценители поэзии, а все люди. Это будет. Обязательно будет. Утрясется всё, уладится.

Беседовал Валерий ТИХОНОВ.
Газета «Алтайская правда», 29 мая 1996 г.,
авторский альманах «Август», № 2, 1996 г.

Геннадий ВОЛОДИН

«ПРИВЕТ, РОССИЯ — РОДИНА МОЯ!»

Он автор семи книг стихотворений, три из которых для детей. Перевёл несколько книг алтайских, тувинских и немецких поэтов. Все издания эти давние — 60-х, 70-х, 80-х годов.* Тогда же у него были стихотворные и прозаические публикации в краевой периодике. Два года он вёл занятия краевого литературного объединения «Родник». Многие известные на Алтае поэты «ходили в его учениках». Особенно тепло он вспоминает рано ушедшего из жизни, 42-летним, поэта Станислава Яненко…
Это всё о поэте Геннадии ВОЛОДИНЕ. Живёт он в Новоалтайске. В этой беседе он делится воспоминаниями о замечательном русском поэте Николае Михайловиче РУБЦОВЕ, который, будучи на Алтае всё лето 1966 года, дольше, чем у других, гостил именно у него. В его доме он не только написал несколько известных стихотворений, но и известное письмо Василию Нечунаеву и Борису Шишаеву в Москву. Сейчас это письмо опубликовано во многих центральных и региональных журналах, включено в книги о Николае Рубцове. Отправлено оно было из села Красногорского, где тогда жил Геннадий Володин, работая ответственным секретарём районной газеты «Восход». Вот отрывок из этого письма: «…Гена Володин и жена его Галя встретили меня вполне гостеприимно. И до сих пор живётся мне у них неплохо… Гена говорит, что очень красиво за ближней горой. Ну что ж, посмотрим. Частенько бываем на рыбалке с Геной и его товарищами. Цветы здешние мне понравились. Вино плохое. Поэтому, наверное, я его так редко пью. Предпочитаю чай…»

— Геннадий Григорьевич, как вы познакомились с Николаем Рубцовым?

— Как-то я побывал в Москве, и меня с Рубцовым познакомил Валентин Ермаков… А тут… 9-го мая мы были дома, сидели за столом — праздновали День Победы. В дверь постучали. Входит парень… В грязи весь — чуть ли не по са-

* В 2001 году авторский альманах «Август» издал сборник избранных стихотворений Г. Володина «Волны души» (№ 3), посвятив выпуск его 65-летию.

На завалинке дома Геннадия Володина (в центре), слева — Валерий Тихонов, справа — Николай Богормистов, г. Новоалтайск, 17 мая 2011 г. Фото Ивана Мордовина.

мую шею!.. А к моему дому надо было идти через болотце. Это он неловко по мосткам шёл… Ну, поздоровался, представился всем: «Рубцов». Мы, конечно, за стол его посадили. Потом, в разгаре застолья, он увидел на стене гитару. Пел песни свои — «Рукой раздвинув тёмные кусты», «В горнице» и другие, пел на стихи Тютчева, Фета, Есенина. Нам всем очень понравилось его исполнение.

— А долго он гостил у вас?

— Да всё лето. В начале мая приехал и до середины августа жил, отъезжая на время к кому-нибудь из наших поэтов и опять возвращаясь. У меня была квартира трёхкомнатная. Я ему комнату отвёл. Он там стихи писал. Рыбачить с ним ходили. Ой, никогда не забуду, как тайменя — большого тайменя! — поймали. Неводом. А Коля, как увидел, как кинется туда! Но когда вытащили, он говорит: «Ой, таймень — не то. Вот жереха бы! Вот жерех — это рыба!..» Я говорю: «Да я и не видел жереха ни разу». А он: «Ну так приезжай ко мне в Вологду! Там я тебе таких жерехов покажу!..» А сам, наверное, и не ловил никогда. Он рыбачил-то плохо-плохо. С удочками, бывало, сидим, он пескаришек ловит и радуется. Рубцов вообще был человеком безобиднейшим. Он и комара, как говорится, не обидит. Вот рыбу ловит, а самому жалко её. Особенно когда потом варим, жарим…

У нас перед селом есть большая гора. Пошли мы туда с Колей за клубникой. А её там много — ступить некуда! Набрали мы с ним корзину, а она большая — в полтора ведра. Быстро набрали. Он говорит: «Ну, давай посидим». И на камень залез: «О, так мне памятник поставят!»… О, Господи, ведь точно всё знал!..

— Что вам ещё запомнилось?

— То, что он молодец был ходить. Много и долго мог ходить. Это он как странник великий (смеётся). Только без посоха.

— Какие стихи он написал, когда жил у вас?

— Это я точно скажу — «Шумит Катунь». Мы с ним когда в Сростки ездили, то у Катуни останавливались. Я ему показываю: «Вон Монах-гора, вон Бобырган…» Он стоял, смотрел, молчал, потом говорит: «Я обязательно стихи напишу». И написал «Шумит Катунь».

— Рубцов и в Горном Алтае побывал, на озере Ая, Бию видел и тоже написал — «Весна на берегу Бии»… А что его ещё интересовало?

— Степь! Он очень хотел увидеть степь! Звал меня в Кулунду. А я всё никак — всё работа, работа… Не знаю, зачем ему степь? Может быть, море и степь одинаковы в чём-то? А он же на флоте служил, потом в рыболовном флоте ходил, вот и рвался в степь, как на море…

— О чём вы вели разговоры с Рубцовым: о жизни, о поэзии?

— О жизни мы мало говорили. Больше о поэзии. И дома, и на рыбалке, и даже в бане, и когда шли куда-нибудь — всё о поэзии говорили: что-то обсуждали, кого-то вспоминали… Не говорили только тогда, когда Коля стихи сочинял — он их на ходу выговаривал, да и то здесь же мы и обсуждали строчки.

— Было ли у Николая Рубцова выступление? Всё-таки более трёх месяцев он здесь провёл!..

— Ни черта!.. Не могли сделать этого!.. Хорошо хоть публикации были в газетах — в «Алтайской правде» и «Молодёжи Алтая». Хорошие подборки. На эти гонорары он билет на поезд до Москвы купил, ещё и ботинки новые себе справил. А вот, кстати, в областной газете «Звезда Алтая» его стихи отвергли — не оценили известного поэта, не углядели будущего классика отечественной поэзии.

Рубцов понимал себя как большого поэта, знал себе цену и, оставаясь простым в общении, говорил и писал об этом не стесняясь: «Моё слово верное прозвенит./Буду я, наверное, знаменит./Мне поставят памятник на селе./Буду я и каменный навеселе». Не только в стихах об этом говорил, но и в беседах вообще. Я бы его, спроси меня, поставил сразу после Тютчева и Фета — рядом с Есениным.

— Алтаю повезло — попал в биографию поэта…

— И очень здорово повезло! Этим надо гордиться. Как и тем, что Василий Макарович Шукшин — наш земляк. Ведь Рубцов здесь не просто побывал, а стихи здесь писал, в том числе и, можно сказать, Алтаю посвящённые — «Шумит Катунь», «Весна на берегу Бии», «Старая дорога»…

— Геннадий Григорьевич, после отъезда Рубцова в Москву вы как-то поддерживали с ним отношения?

— Письма писали друг другу. Но… я ни одного не сохранил, увы. И даже ни одной фотографии не сохранил, хотя наш редакционный фотокор, помню, часто нас «щёлкал». Куда-то всё подевалось — и письма, и фото?.. Очень жаль, очень.

— Как вы узнали о смерти Рубцова?

— …Я был в Барнауле на собрании наших писателей. Сижу в зале. Слышу — газеты принесли. Вышел. Взял сразу «Литературную Россию». Развернул. Смотрю, читаю… Вдруг некролог о смерти — о трагической смерти поэта Николая Рубцова! Я вошёл в комнату, где заседали наши писатели, и говорю: «Не об этом мы говорим сейчас!..» Но тут на меня все зашумели: «Вывести Володина! Вывести его из зала!..» Тогда я повторяю: «Не об этом мы говорим! Вот — умер Рубцов…» Тут — тишина. Все ко мне, за газету!.. Потом — минута молчания. Это же в январе было… Правильно он написал: «Я умру в крещенские морозы…» 19 января и умер. В 1971 году. В этом году ему 3 января только 60 лет исполнилось бы!..

Но помнят Николая Рубцова и будут помнить в России всегда и везде — и на его родной Вологодчине, и у нас на Алтае… Он же поистине русский поэт, народный поэт!

Беседовал Валерий ТИХОНОВ.

Газета «Алтайская правда», 18 июля 1996 г.,
авторский альманах «Август», № 4, 1996 г.

Станислав ВТОРУШИН

«ПЕЧАЛЬНАЯ ВОЛОГДА ДРЕМЛЕТ…»

Станислав ВТОРУШИН — автор двух книг стихотворений и одной книги прозы. Много лет отдал журналистике — работал в газетах «Алтайская правда» и «Правда» (в разные годы был собкором по Сибирскому региону, затем в Чехословакии). Был членом редколлегии журнала «Алтай». Сейчас зам. председателя правления Славянского общества. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Барнауле.*
В этой беседе он делится воспоминаниями о замечательном русском поэте Николае РУБЦОВЕ, который всё лето 1966 года провёл в Алтайском крае. В честь 30-летия этого примечательного факта авторский альманах «Август» два первых номера за 1996 год посвятил жизни и творчеству поэта.

— Станислав Васильевич, 3 января этого года Николаю Михайловичу Рубцову исполнился бы 61 год, а 19 января — 26 лет, как он погиб… В прошлом году о Рубцове на страницах «Алтайской правды» и в выпусках моей программы «В центре внимания» (барнаульское сетевое радио «Роса») вспоминали наши поэты Василий Нечунаев, Игорь Пантюхов, Геннадий Володин. Расскажите, пожалуйста, почему Николай Рубцов решил посетить Алтай?

— Его сюда пригласил Василий Нечунаев, они в одно время учились, правда, на разных курсах, в Литературном

* С 1996 года — главный редактор журнала «Алтай».

институте имени Горького. Рубцов согласился побывать на Алтае ещё и потому, что здесь жил его друг — поэт Леонид Мерзликин, который тогда, замечу, был более известен, чем Рубцов: у Мерзликина уже вышла первая книга — в Москве (!), вторая — в Барнауле, его уже приняли в Союз писателей, а у Рубцова была лишь одна тоненькая книжка, изданная в Архангельске, и несколько публикаций в центральных «толстых» журналах.

Встретили Рубцова на Алтае хорошо. С ним очень тепло общались многие наши писатели, художники, актёры. Первое время он жил у сестры Василия Нечунаева — Матрёны Марковны — в Барнауле, потом долгое время у Геннадия Володина — в селе Красногорском, где Гена работал ответственным секретарём районной газеты. Вообще, он погостил у многих — и в Барнауле, и в Горно-Алтайске.

Думаю, что время в то лето прошло для него незаметно.

— А вы с ним познакомились тогда или раньше?

— Раньше — это по его стихам, которые я читал в периодике, о которых слышал. И о нём самом, конечно, тоже и читал, и слышал. А непосредственно мы познакомились летом 66-го в Барнауле. Познакомил нас Леонид Мерзликин. Случилось это на Ленинском проспекте. Отметили знакомство скромным застольем, зайдя в гости к художнику Николаю Иванову. В его мастерской, что за медицинским институтом, мы читали стихи, а хозяин показывал нам свои картины…

— Что вы к тому времени слышали о Рубцове, о его стихах?

— Да, читать поэта или о поэте — это одно. Слышать же от друзей — другое дело, более живое, правдивое. Рубцов в то время среди поэтов был известен ещё и как автор хлёстких юмористических стихов, полных, порой, горькой самоиронии. Многие свои стихи, и такого плана, и серьёзные, Николай исполнял как песни, подыгрывая себе на гитаре или гармони. Тогда всем была известна его песня с такими строчками:

Стукнул по карману — не звенит.
Стукнул по другому — не слыхать.
В коммунизм — безоблачный зенит —
Полетели мысли отдыхать…

Всем был известен его ответ ректору Литинститута. В стихах. Поводом послужило решение о переводе Рубцова с очного отделения на заочное:

Быть может, я для вас в гробу мерцаю,
Но должен заявить, в конце концов:
Я, Николай Михайлович Рубцов,
Возможность трезвой жизни отрицаю.

— Станислав Васильевич, поделитесь, пожалуйста, своими тогдашними впечатлениями о Рубцове, о его, если можно так сказать, алтайском периоде.

— У него не было никакой другой жизни, кроме поэзии. Реальная жизнь его мало интересовала. Он не обращал внимания на бытовую сторону, потому что в его душе шла непрерывная работа над стихами. По характеру он был замкнутым человеком, суховатым. А внешне — щуплый, небольшого роста, с узким длинным лицом, редкие волосы зачёсаны набок.

Помню стихи, которые он читал у меня в доме, вернувшись из Горного Алтая: «Шумит Катунь», «Весна на берегу Бии», «В сибирской деревне». Точнее, он их напевал. У меня была гитара, на которой Николай подыгрывал себе. Пение его было глуховатое. Манера, пожалуй, речетативная. Можно иначе сказать: декламирование нараспев.

— То есть пение для Рубцова — это форма прочтения своих стихотворений. Скажите, а выступил ли Рубцов в Барнауле или ещё где-то на Алтае перед читателями один или с группой поэтов?

— Нет. Потому что лето — это же пора отпусков, каникул. И нам, и ему хватало того общения, которое было. Да и не был Рубцов тогда известен широкому читателю.

— Имя поэта Николая Рубцова ещё не зазвучало. Как вы думаете, по-честному ли судьба распоряжается: ничего, или почти ничего, при жизни и всё, или почти всё, после смерти?

— Судьба, пусть и с опозданием, всё расставляет на свои места. Не было к Рубцову должного внимания при жизни. Слава пришла к нему после смерти. Её он удостоился за свой поэтический талант — за стихи, которые трогают человеческую душу. За это его полюбили и будут любить.

В России к поэтам и писателям судьба часто несправедлива. Достоевский — гений планетарного масштаба.

Но при жизни он таким не был признан, жил, испытывая нужду…

— Достоевский почти постоянно жил в долг…

— Да. Всемирная слава пришла к нему после смерти. А вспомнить Есенина!.. В последние годы жизни его травили гонениями, придирками и т. п. После смерти вообще запретили… Это потом, потом всё встало на свои места.

— Станислав Васильевич, рассказывают, что с Алтая Николай Рубцов поехал в Москву для продолжения учёбы в Литературном институте на гонорар за публикации его стихотворений в «Алтайской правде» (30 августа) и «Молодёжи Алтая» (2 сентября), тогда как горно-алтайская областная газета «Звезда Алтая» отказала ему в публикации. А почему не опубликовали его стихотворения в альманахе «Алтай»?

— Да, всё это так. Дело в том, что альманах «Алтай» выходил тогда раз в год. Кстати, стихи Рубцова в «Алтайскую правду» отдавал я. Пришёл к редактору, рассказал, кто такой Рубцов, объяснил ситуацию. Стихи вскоре опубликовали, а гонорар редакция выплатила ему авансом.

С этим гонораром потом произошла история. Николай купил билет на поезд до Москвы, собрался в дорогу. Мы попрощались, проводили его на вокзал… А через три дня он… постучался в дверь моей квартиры. Оказывается, он выпил и, сойдя с поезда в Новоалтайске, решил вернуться в Барнаул. И пришёл ко мне. Потом я с женой ещё раз провожал его. Я купил ему билет на поезд, а на питание в дороге смог дать только десять рублей…

— На Алтае Рубцова поддержали материально…

— Все знали, какая у него трудная жизнь. Он же был сирота. Отец погиб на фронте, мать умерла, когда ему было шесть лет. Воспитывался он в детдоме.

Его стихотворение «Детство» начинается такими строчками:

Мать умерла.
Отец ушёл на фронт.
Соседка злая
Не даёт проходу…

Отсюда его замкнутость, одиночество, неприкаянность. Но он всегда тянулся к доброму, к светлому. И часто жестоко ошибался. Ему не хватало любви и обычного человеческого участия. Он не имел квартиры!.. Однокомнатную, полученную перед самой смертью, даже не успел обжить.

— Сейчас о его творчестве написано больше, чем создал он сам, его биография исследуется, книги переиздают, и не только в нашей стране — тираж давно перевалил за миллион. Однако у нас сейчас грустные времена.

— Не секрет, что общество деградирует — падает культурный уровень, образованность… Но поклонников творчества Николая Рубцова становится всё больше и больше.

— Чтобы полнее понять поэта, писателя, художника, надо побывать на его родине. Вы были на родине Николая Рубцова?

— Нет, к сожалению. Леонид Мерзликин ездил туда, чтобы поклониться его могиле… А Вологда — великолепный старинный русский город. Это ещё и родина Василия Белова, Александра Яшина, Ольги Фокиной, Владимира Кострова, Виктора Коротаева, долгое время там жил и работал Виктор Астафьев…

Беседовал Валерий ТИХОНОВ.
«Алтайская правда», 22 марта 1996 г.,
авторский альманах «Август», № 4, 1996 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ НИКОЛАЯ РУБЦОВА, НАПИСАННЫЕ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ

То жёлтый куст,
То лодка кверху днищем,
То колесо тележное
В грязи…
Меж лопухов —
Его, наверно, ищут —
Сидит малыш,
Щенок скулит вблизи.

Скулит щенок
И всё ползёт к ребёнку,
А тот забыл,
Наверное, о нём, —
К ромашке тянет
Слабую ручонку
И говорит…
Бог ведает, о чём!..

Какой покой!
Здесь разве только осень
Над ледоносной
Мечется рекой,
Но крепче сон,
Когда в ночи глухой
Со всех сторон
Шумят вершины сосен.

Когда привычно
Слышатся в лесу
Осин тоскливых
Стоны и молитвы, —
В такую глушь
Вернувшись после битвы,
Какой солдат
Не уронил слезу?

Случайный гость,
Я здесь ищу жилище

И вот пою
Про уголок Руси,
Где жёлтый куст,
И лодка кверху днищем,
И колесо,
Забытое в грязи…

***

Сибирь, как будто не Сибирь!
Давно знакомый мир лучистый —
Воздушный, солнечный, цветистый,
Как мыльный радужный пузырь.

А вдруг он лопнет, этот мир?
Вот-вот рукою кто-то хлопнет —
И он пропал… Но бригадир
Сказал уверенно: «Не лопнет!»

Как набежавшей тучки тень,
Тотчас прошла моя тревога, —
На бригадира, как на Бога,
Смотрел я после целый день…

Тележный скрип, грузовики,
Река, цветы и запах скотский,
Ещё бы церковь у реки, —
И было б всё по-вологодски.

ВЕСНА НА БЕРЕГУ БИИ

Сколько сору прибило к берёзам
Разыгравшейся полой водой!
Трактора, волокуши с навозом,
Жеребята с проезжим обозом,
Гуси, лошади, шар золотой —
Яркий шар восходящего солнца,
Куры, свиньи, коровы, грачи,
Горький пьяница с новым червонцем

У прилавка
и куст под оконцем —
Всё купается, тонет, смеётся,
Пробираясь в воде и грязи!

Вдоль по берегу бешеной Бии
Гонят стадо быков верховые,
И, нагнувши могучие выи,
Грозный рёв поднимают быки.
Говорю вам: — Услышат глухие! —
А какие в окрестностях Бии —
Поглядеть — небеса голубые!
Говорю вам: — Прозреют слепые,
И дороги их будут легки…

Говорю я и девушке милой:
— Не гляди на меня так уныло!
Мрак, метелица — всё это было
И прошло, — улыбнись же скорей!
Улыбнись! — повторяю я милой. —
Чтобы нас половодьем не смыло,
Чтоб не зря с неизбывною силой
Солнце било фонтаном лучей!

В ГОРНОЙ ДОЛИНЕ

Над горной долиной — мерцанье.
Над горной долиной — светло.
Как всяких забот отрицанье,
В долине почило село.

Тюльпаны, тюльпаны, тюльпаны…
Не здесь ли разбойник морской
Мечтал залечить свои раны,
Измученный парусом рваным,
Разбоем своим и тоской?

Я видел суровые страны,
Я видел крушенье и смерть,
Слагал я стихи и романы, —

Не знал я, где эти тюльпаны,
Давно бы решил посмотреть!

И только когда вспоминаю
Тот край, где родился и рос,
Желаю я этому краю,
Чтоб было побольше берёз…

ШУМИТ КАТУНЬ

Виктору Астафьеву

…Как я подолгу слушал этот шум,
Когда во мгле горел закатный пламень!
Лицом к реке садился я на камень
И всё глядел, задумчив и угрюм.

Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев её былинный…

Катунь, Катунь — свирепая река!
Поёт она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы, —
Они топтали эти берега!

И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И чёрный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень…

Всё поглотил столетний тёмный зев!
И всё в просторе сказочно-огнистом
Бежит Катунь с рыданием и свистом —
Она не может успокоить гнев!

В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные аилы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь…

СТАРАЯ ДОРОГА

Всё облака над ней,
всё облака…
В пыли веков мгновенны и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы,
И машет им прощальная рука.
Навстречу им июльские деньки
Идут в нетленной синенькой рубашке,
По сторонам — качаются ромашки,
И зной звенит во все свои звонки,
И в тень зовут росистые леса…
Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые
вечности глаза!
То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нелюдимый филин-властелин.
То по холмам, как три богатыря,
Ещё порой проскачут верховые,
И снова — тишь, забывчивость, заря,
Всё пыль, всё пыль да знаки верстовые…
Здесь каждый славен — мёртвый и живой!
И оттого, в любви своей не каясь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто проходит…
Здесь русский дух в веках произошёл,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пойдёт через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака…

РУБЦОВСКОЕ ЭХО
В ПОЭЗИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Геннадий ВОЛОДИН

ЭЛЕГИЯ

Николаю Рубцову

Смотрю я ночи в чёрные глаза.
Одна звезда висит над головою,
Как будто бы последняя слеза,
Ещё не обронённая вдовою.

Та женщина отплакала своё
В тот год, когда любимого не стало.
Теперь в запасе бабьем у неё
Всего слеза последняя осталась.

Её скрывают веки-облака
И держит нерв, как бусинку за нитку.
Её ничем не вызовешь, пока
Не постучится прошлое в калитку.

Пока оно не грохнет сапогом
И в дверь кому-то снова не вернётся —
Тогда слеза последняя сорвётся —
И станет горько от неё кругом.

Застонет провожаньями вокзал,
И скроются друзья за синевою.
…Смотрю я ночи в чёрные глаза.
Одна звезда висит над головою.

1968 год.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Всё, мне кажется, будет, как прежде,
В этом старом прибийском селе.
Вот полоска заката добрезжит,
И туман поползёт по земле.

И с рыбалки домой возвращаясь,
На глухом каменистом яру
Горечавки, гвоздик, иван-чая
Я огромный букет наберу.

И опять к нашей сельской царевне
Поднимусь на резное крыльцо.
«Я уеду из этой деревни», —
Будет петь под гитару Рубцов.

Где-то эхо откликнется глухо
Из-за Пильненских мшелых камней,
И земля будет слушать вполуха
Самолучшие песни о ней.

И засветится Бия свинцово,
Светляки засверкают в траве…
Но не будет, не будет Рубцова
На крыльце этом старом вовек.

Лишь случится, что, быль окликая,
До меня долетит из окна:
«Мама, мамочка, кукла какая!
И мигает, и плачет она!»

1978 год.

Леонид ЕРШОВ

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Легко понимать
Эту русскую душу,
Хотя, говорят,
Сух и замкнут он был.
Он в нашем краю
Речку горную слушал,
Шум русских лесов он
И речек любил.
Нередко со мною
Такое бывает:
Когда вдруг
За горло
Берёт бытиё,
И книгу его
Я тогда открываю,
И вновь, как впервые,
Читаю её.

Александр ЗУЕВ

БУЛЫГИНСКАЯ СЛОБОДА

Душу убаюкала пыль твоих дорог…
Николай Рубцов

Кот на подоконнике,
Тыквы в уголке…
Крашеные домики
Дремлют на песке.
Слобода старинная,
Светлый дух боров,
Деревца рябинные
Около дорог…

***

Стихи из дома гонят нас…
Николай Рубцов

Стихи приходят из покоя…
Каков покой — таков и ты.
Огни мигают за рекою,
И наши радости просты.
Как по нетронутому снегу —
Вдруг пробежишь по чистоте…
Воздав благодаренье небу —
Всей поднебесной красоте.

Анатолий КРАСНОСЛОБОДЦЕВ

***

…Школа моя деревянная…
Николай Рубцов

Память строга и сурова.
И не желаешь — болит.
Видится снова и снова:
светится сельская школа
окнами издали.

Небо недоброе, мглистое.
Ни конных, ни пеших встречь.
Ветер всё злей и неистовей
рвёт одежонку с плеч.

Кажется, нет больше мочи,
а оглянёшься назад, —
клочья соломы по-волчьи
в спину твою глядят.

Сколько подобных напастей
выпадет в сельской глуши,
прежде чем школьное счастье
станет частичкой души…

Иван МОРДОВИН

ИВА

Красные цветы мои…
Николай Рубцов

Снегом засыпано лето,
Зреют в снегу снегири.
Ива над речкой согрета
Светом недолгой зари.

Милая, время прощаться,
Знаешь об этом и ты…
Пусть к нам скорей возвратятся
Красного лета цветы.

Василий НЕЧУНАЕВ

ЗАЧЕМ НАМ НАДОБЕН РУБЦОВ?

Зачем нам надобен Рубцов,
Его задумчивое слово?
Ведь обойтись, в конце концов,
Свободно можно без Рубцова.

Зачем нам грустные стихи,
Когда вокруг полно веселья?
Но как таинственно тихи
Цветы на улице весенней.

Но как тревожны вечера.
Но как мучительно погоде.
Что было весело вчера
Вдруг опечалилось сегодня.

Нависли тучи тяжело,
Днём не видать дневного света.
А в нашей горнице светло
От грустной музыки поэта.

ЗВЕЗДА РУБЦОВА

Случайный гость,
Я здесь ищу жилище…

«В сибирской деревне».
Николай Рубцов

Об утратах скорби не скорби,
Время жерновом движет суровым…
На дремотной излуке Оби
Мы рыбачили с Колей Рубцовым.

В серебристой подлунной тиши
Мы с намёткой ходили под яром.
Мне в намётку вонзались ерши,
Попадались то лещ, то подъязок.

Гость случайный в моей стороне,
Он работал намёткой впустую.
Вынет снасть — лишь в прибрежной струе
Растревожит звезду золотую.

И когда мне попался судак,
Ахнул он:
— Ничего себе рыбка! —
И руками всплеснул:
— Как же так
У тебя получается шибко?
Я смеялся, мол, в нашей воде,
Понимаешь ли, рыба иная.
Тут же, Коля, — не в Вологде-где,
Тут хозяин реки — Нечунаев!

Я смеялся.
Он миру явил
Золотое нетленное слово.
Я той ноченькой рыбу ловил,
Он — звезду Николая Рубцова.

ПИР С КЛАССИКАМИ

В общежитии Литинститута
Среди нас, желторотых птенцов,
Не имея другого приюта,
Проживал легендарный Рубцов.

По стране его слава катилась,
Но, опальному в нашем дому,
Как мальчишке, порой приходилось
Убегать от Циклопа ему.*

Он томился.
Взирали уныло
С этажей над портретом портрет.
И внезапно его осенило —
В тёмном царстве увиделся свет.

Друг за другом в одну комнатушку
Наши классики все собрались —
Их Рубцов пригласил на пирушку,
Посидеть, покалякать за жизнь.

Пушкин, Лермонтов, Гоголь — в итоге
Оказались с Рубцовым в родне,
И Макарову ровня Серёге,
И Шишаеву Боре, и мне.

Сам Некрасов, народный страдалец,
Рядом с нами присел на кровать.
Лишь зачёт по Некрасову сдали —
А теперь вместе с ним пировать!

Пир был славным,
Но в дверь постучали —
Комнатушка набилась битком.
Добрый смех и стихи отзвучали.

---

* Циклоп — кличка коменданта студенческого общежития Литературного института.

Встал Рубцов —
По столу кулаком!

И ушёл.
Возвратились портреты
К обездоленной было стене…
Почему же я вспомнил про это?
Почему так мучительно мне?

Деловая эпоха настала.
Меркантильное всюду мурло.
Вольнокрылых Рубцовых не стало,
А в России без них тяжело.

ЕЛЕНЕ РУБЦОВОЙ

Ты дочь его. Вы с ним — Рубцовы.
Я на тебя взглянул тайком,
А у тебя глаза отцовы —
С проникновенным огоньком.
А у тебя его улыбка
И благородный лоб его.
Во всей тебе смешались зыбко
И благодать, и озорство.
С отцом задумчивостью схожа,
Дитя глухих, дремотных мест,
Ты так бесхитростна, и тоже
Нелёгок твой житейский крест.
Но, слышишь, гостья Барнаула,
Рубцов — не просто наш поэт.
В дни сатанинского разгула
Он — очистительный нам свет.
Россия мы, когда он с нами.
И ты — его от плоти плоть —
Отцовский свет неси, как знамя,
И да хранит тебя Господь!

НЕСКОШЕННЫЙ ЛУГ

Россия, Русь! Храни себя, храни!..
Николай Рубцов

Государыня-матушка Русь,
Вот я снова в родимом краю.
Я стою и как будто смотрюсь
В деревенскую юность свою.
Под ногами нескошенный луг,
Скоро-скоро он будет в снегу.
И хрустящий мне слышится звук —
Звук литовки на этом лугу.
Вижу я, как в разливе зари
От увала до кромки реки
Вперевалку идут косари.
Где прошли — проложились валки.
Государыня-матушка Русь,
Всё запело во мне соловьём:
Наравне с мужиками тружусь
На лугу сенокосном твоём.
Что я молод годами — не в счёт.
Грудь распахнута, сдвинута бровь.
Неспроста в моих жилах течёт
Молодецкая русская кровь.
Работёнка моя нелегка,
Но устану и сил наберусь,
Твоего зачерпнув родника,
Государыня-матушка Русь.
Государыня-матушка Русь,
Что с тобою содеялось вдруг?
Я стою и заплакать боюсь,
На заброшенный глядючи луг.
Под раскатистый крик воронья
Убывают твои мужики…
Да не сломится вера моя
Во святые твои родники!

КЛЕВЕТНИКУ РУБЦОВА

Рубцова недоброжелатель,
Блюститель его бытия,
Зачем ты извилины тратил,
Чтоб вышла статейка твоя?

Усвоить не можешь простого,
Что как ты пером ни скользи,
Но светлое имя Рубцова
Твоей недоступно грязи.

Согбенная, позже иль вскоре,
Россия тряхнёт стариной.
Его проходить будут в школе.
Тебя — обходить стороной.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Я в ту ночь позабыл все хорошие вести…

И понял я, что это не случайно,
Что весь на свете ужас и отрава
Тебя тотчас открыто окружают,
Когда увидят вдруг, что ты один.
Николай Рубцов.

Моя вина. Твоя вина.
Своих поэтов бьёт страна
Методой верной и простой —
Бездушьем, травлей, нищетой.

Зачем убили? Почему?
Затем, чтоб памятник ему
Звенящий бронзой возвести?..
Прости нас, Господи, прости.

Геннадий ПАНОВ

ХОЛМЫ И ДУМЫ

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Николай Рубцов

Пронзительно талантливое слово,
и глубока по смыслу тишина
и в древней Тотьме на холмах Рубцова,
и в Сростках на увалах Шукшина.

Взбежишь на холм — и остановят дали:
берёзы, реки вольные, как речь.
Такие дали и певцов рождали,
которых трудно в жизни уберечь!..

Россия с неоглядными полями,
ты испокон пречистая, как Мать,
своими обходилась соловьями
и не ходила песен занимать.

…Заволокло с утра, заморосило,
увязли храмы главами во мгле.
Не говорим ни слова о России,
но думы — о единственной земле.

И тяжело, с одышкой и нагрузкой,
идёт буксир по Сухоне-реке.
Здесь на земле
исконно нашей — русской —
мы и молчим на русском языке.

Игорь ПАНТЮХОВ

ВЕРНОСТЬ

Н. Рубцову, Г. Зыкову

Рано вы уходите, ребята,
разделять исполнивших удел.
Быстрота ли века виновата,
жадность ли до непосильных дел?
Трудности распутиц и распутий
слишком лихо брали вы подчас,
чтоб успеть…
А Родина, по сути,
только-только оперлась о нас,
только ощутили наши плечи
груз святой её больших забот,
и нести их — знали вы — далече,
да своя, мол, ноша не согнёт.
Только не качнуться бы под нею!..
Впрочем, флотских — разве укачать?
Вам бывало трудно, но труднее
за два сердца — одному стучать.
И представишь в некую минуту:
«Ну, а если сам — на полпути…
Что тогда?
Трёхжильному кому-то
за троих нелёгкий груз нести?»
Нет уж,
мы возьмём своё по штату,
прежде чем отправиться в запас…
Рано вы уходите, ребята,
видно, свято веруете в нас.

Александр РУДЫКА

***

Светлый покой опустился с небес…
Николай Рубцов

Спустилась с неба чистота
В прозрачный лес,
В пустое поле,
На сполох красного листа,
Покорного падучей доле.

Чело пустынного бугра
Теплом прощальным обогрето…
Светла предчувствием пора —
Октябрьское
Бабье
Лето!

Валерий ТИХОНОВ

ИСТОКИ

…Мать России целой — деревушка,
Может быть, вот этот уголок…
«Острова свои обогреваем».

…И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле.
«Ферапонтово».
Николай Рубцов

Эта осень — остывшее лето —
успокоила душу мою.
И, плетень заменяя штакетом,
я протяжные песни пою.

Вся округа дымится кострами.
Горек запах посохшей ботвы.
Скоро будет морозец утрами,
а потом мы с ним будем на Вы.

Много значат дрова на деревне,
чаще слышишь теперь — «на селе».
Мы работаем способом древним —
«пилим на деревянном козле».

Чурбаки мы поколем зимою —
будет запах смолистый в дому…
Что мне с памятью делать такою?..
Но её
не отдам
никому.

1994 г.

Борис УКАЧИН

ПИСЬМО НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

Эта горькая весть разминулась со мной,
И провёл я весь день не грустя, не скорбя,
Потому что не знал я, что шар наш земной
Продолжает кружиться уже без тебя.
У поэта Шатры в нашем отчем краю
Я в селе Каракол в это время гостил.
Вспоминали друзей, пели песню твою:
«…И архангельский дождик на меня моросил…»
В то село Каракол не идут поезда,
То село далеко от проезжих дорог,
И стоит над селом голубая звезда,
Как в одной из твоих вечно памятных строк.
В эту звёздную ночь тих, пустынен Алтай,
Далеко на Тверской наш родной институт.
Эх, Шатинов Шатра, вслух стихи почитай,
Пусть замедлится бег торопливых минут!
Благодарного лета кончалась пора,
И, уже набираясь для осени сил,
Русским строчкам в горах подпевали ветра:
«…И архангельский дождик на меня моросил…»
Помнишь, Коля, как съехались мы на Тверской,
Кто откуда, со всей бесконечной страны?
Помнишь долгие споры над чьей-то строкой
И надежды, которых мы были полны?
Помнишь — мы по Алтаю бродили с тобой.
— Что за дивная силища в этой волне! —
Ты сказал о Катуни моей голубой,
И не скрою, что это понравилось мне.
Полюбилась тебе наших гор тишина.
— Я ещё непременно приеду сюда!.. —
Заверял ты меня, и твоя ли вина,
Что теперь не приедешь уже никогда.
И не верится мне, что с тобою вдвоём
На земле, где ты голову гордо носил,
Мы уже никогда-никогда не споём:
«…И архангельский дождик на меня моросил…»…

Январь 1971 года. Перевод Ильи Фонякова.

Сергей ФИЛАТОВ

***

Лошадь белая в поле тёмном…
Николай Рубцов

Что за ночь?
Точно злое застолье
Тьма кромешная во дворе.
То ли зеркало треснуло,
То ли,
Отворившись, скрипнула дверь…

То ли берег, заросший илом,
То ли загнанный храп коня…
То ли не было,
То ли было
В мире что-то до-после меня?

Что за этим глухим расколом
В этой тёмной глухой стране?
«Ночеваю! Глухим покоем
Сумрак душу врачует мне».

Николай ЧЕРКАСОВ

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

…Я это помню, незабвенный тёзка,
как мы с тобой по Барнаулу шли
и что-то говорили о берёзках,
о белоствольных баловнях земли.

Ты с берегов неистовой Катуни
дорогу правил в стольную Москву.
Я понимал, ты на Алтае втуне
пытался побороть свою тоску.

Она в твоих глазах неистребимо
жила, своих желаний не тая,
вот потому тебя неодолимо
тянуло в неизвестные края.

Ты восхищался нашим пышным хлебом,
деля со мной краюшку пополам,
и примерял полуденное небо
к церковным вологодским куполам.

Тогда никто не знал на целом свете,
что навсегда строку твою июнь
алтайским солнцем благостно осветит
и окропит бессмертием Катунь.

Станислав ЯНЕНКО

***

Слушая нынешних друзей
Алексея Прасолова,
Николая Рубцова,
Владимира Высоцкого

Опять по радио картавит
ценитель и почти что друг.
Акценты новые расставит
(не упустив своих заслуг).

Изысканно и элегантно
помянет, как горька судьба
народных истинных талантов
(и не забудет про себя).

Опустит, правда, время оно,
когда при кресле и правах
усердно возводил препоны
тем, с кем братался на словах.

Привычно. Подло. И не ново.
Когда уже закончен путь,
о светлой памяти Рубцова
и о Высоцком помянуть.

Такие, календарь листая,
не каются. Суди их Бог.
И снова соберутся в стаю,
когда придёт другой пророк.

И замолчать его заставят,
с бездарностью поставив в ряд.
А замолчит… Тогда восславят.
И нам, убогим, разъяснят.

Содержание

«За всю любовь расплатимся любовью»
Предисловие Валерия Тихонова 3
Николай РУБЦОВ.
Письмо с Алтая друзьям в Литературный институт 5

Воспоминания об Алтайском периоде жизни и творчества Н. Рубцова:
Борис УКАЧИН. Гори, сияй, звезда полей! 7
Геннадий ВОЛОДИН. Лето с Рубцовым 26
Валерий ЧИЧИНОВ. «В горнице моей светло» 40
Борис ШИШАЕВ. Алтайское лето Николая Рубцова 43
Игорь ПАНТЮХОВ. Прежде всего он был поэтом 56
Василий НЕЧУНАЕВ. Добро и любовь 61
Геннадий ВОЛОДИН. «Привет, Россия — родина моя!» 66
Станислав ВТОРУШИН. «Печальная Вологда дремлет…» .. 70

Стихотворения Николая Рубцова, написанные в Алтайском крае
В сибирской деревне 76
«Сибирь, как будто не Сибирь» 77
Весна на берегу Бии 77
В горной долине 78
Шумит Катунь 79
Старая дорога 80

Рубцовское эхо в поэзии Алтайского края
Геннадий ВОЛОДИН. Элегия 82
Памяти Николая Рубцова 83
Леонид ЕРШОВ. Памяти Николая Рубцова 84
Александр ЗУЕВ. Диптих. Булыгинская слобода 85
«Стихи приходят из покоя…» 85
Анатолий КРАСНОСЛОБОДЦЕВ.
«Память строга и сурова…» 86
Иван МОРДОВИН. Ива 87
Василий НЕЧУНАЕВ. Зачем нам надобен Рубцов? 88
Звезда Рубцова 89
Пир с классиками 90
Елене Рубцовой 91

Нескошенный луг 92
Клеветнику Рубцова 93
Памяти Николая Рубцова 93
Геннадий ПАНОВ. Холмы и думы 94
Игорь ПАНТЮХОВ. Верность 95
Александр РУДЫКА. «Спустилась с неба чистота…» 96
Валерий ТИХОНОВ. Истоки 97
Борис УКАЧИН. Письмо Николаю Рубцову 98
Сергей ФИЛАТОВ. «Что за ночь?..» 99
Николай ЧЕРКАСОВ. Николаю Рубцову 100
Станислав ЯНЕНКО. «Опять по радио картавит…» 101

Коллективный сборник

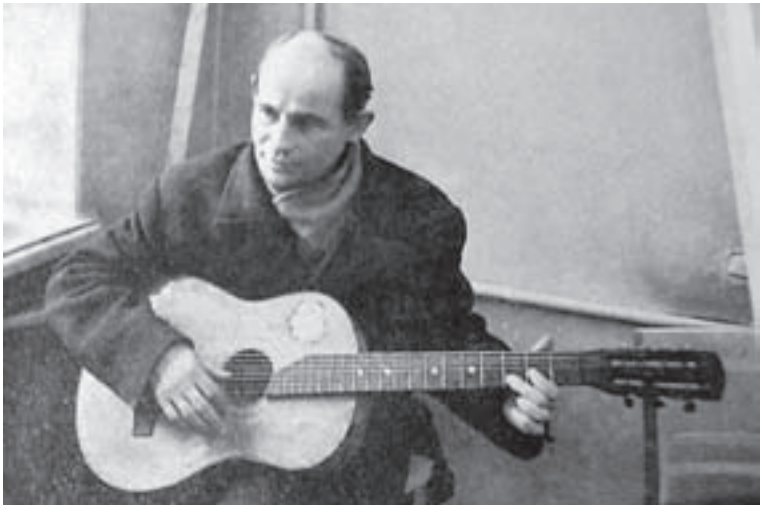
АЛТАЙСКОЕ ЛЕТО ПОЭТА НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Поэзия и публицистика

Соавтор, редактор-составитель — В. Е. Тихонов
Набор, корректура — О. В. Тихонова
Вёрстка, оригинал-макет — О. В. Майер
Фото на обложках — В. А. Иванов
Художник-дизайнер — А. А. Карпов

Сдано в набор — 01.02.2006 г.
Подписано в печать — 06.10.2011 г.
Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Swift»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Заказ № 3427
Тираж — 1000 экз.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Алтай»:
656049, г. Барнаул, ул. Короленко, 105



Н. М. РУБЦОВ (03.01.1936–19.01.1971) родился в с. Емецк Архангельской области. Рано остался сиротой. Детские годы прошли в детдоме с. Никольского Вологодской области…

Срочную (четыре года) служил на Северном флоте, затем работал кочегаром в тралфлоте. Некоторое время жил в Ленинграде — работал на заводе, потом в Москве — учился в Литературном институте имени М. Горького…

Будучи студентом, совершил поездку в Алтайский край, где гостил с начала мая до начала сентября 1966 года.

Николай Михайлович Рубцов состоял в Союзе писателей СССР. Первая книга его стихотворений «Лирика» вышла в Архангельске (1965 г.). Затем в издательствах Москвы вышли «Звезда полей» (1967 г.), «Душа хранит» (1969 г.), «Сосен шум» (1970 г.).

Книга «Зелёные цветы» вышла после смерти поэта — он трагически погиб 19 января 1971 года… Похоронен в Вологде. На надгробии выгравированы его строки: «Россия, Русь! Храни себя, храни!», выражающие духовно-нравственную основу его творчества, для которого характерно уважительное и душевное отношение к деревне, восприятие человека и природы как гармонично целого, верность отчему дому, Родине, духовным ценностям предыдущих поколений русских людей, — всё это сделало поэзию Рубцова преемственницей творчества Есенина, объединяя её со стихами Бунина, Тютчева, Фета...